

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

«Экзотика, ностальгия,
романтика и трагедия.
Драматичная, как сама жизнь,
история».

El Pais

ЛУС ГАБАС

ПАЛЬМЫ В СНЕГУ

Лус Габас

Пальмы в снегу

«РИПОЛ Классик»

2012

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)6-44

Габас Л.

Пальмы в снегу / Л. Габас — «РИПОЛ Классик», 2012

ISBN 978-5-386-14061-8

1953 год. Килиан и его брат Хакобо покидают родной город Уэску и отправляются на далекий, неизвестный и экзотический остров Фернандо По. Там их ждет отец, хозяин плантации Сампака, где выращивают и жарят один из лучших какао в мире. На этих вечнозеленых и теплых берегах братья открывают для себя жизнь колонии, так не похожей на скучную и серую Испанию; разделяют тяжелую работу на плантации; изучают культурные различия и сходства между приезжими и коренными жителями; и познают дружбу, страсть, любовь и ненависть. Но один из братьев переступает запретную черту и безнадежно влюбляется в туземку. Их любовь и сложные отношения между поселенцами и островитянами меняют отношения братьев и ход их жизни, и становятся источником тайны, которая повлияет даже на будущие поколения. 2003 год. Кларенс, дочь Хакобо и племянница Килиана, хочет узнать о своем происхождении и окунается в прошлое, где обнаруживает эту тайну, которая наконец-то будет разгадана.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)6-44

ISBN 978-5-386-14061-8

© Габас Л., 2012
© РИПОЛ Классик, 2012

Содержание

Отзывы членов редакционного совета книги «Пальмы в снегу»	6
Пролог	9
Глава 1	12
Глава 2	25
Глава 3	37
Глава 4	49
Глава 5	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Лус Габас

Пальмы в снегу

Luz Gabás
PALMERAS en la NIEVE

Перевод с испанского Ю. С. Каштанова

Text copyright © 2012 Luz Gabas

© Каштанова Ю. С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,
2021

Отзывы членов редакционного совета книги «Пальмы в снегу»

Эта проникновенная и душераздирающая история покорила моё сердце. Она заставит и вас понять, что искренняя и страстная любовь не угасает никогда.

Герои настолько живые и притягательные, что можно поверить в то, что это реальная история. Я полюбила всех героев, они разные и в каждом из них есть своя изюминка.

Я всем искренне советую прочитать или хотя бы посмотреть эту историю, потому что безразличными вы не останетесь.

Сабина Нестеркина
@saba_in_red

Эта история будоражит чувства. Здесь столько искр, пламени и жара, наполняющих сердца героев. Симпатии, влюбленности, страсть, боль... все это им предстоит испытать в полной мере.

Я будто чувствовала, как жаркий воздух острова обдувал страницы, наполняя их африканским солнцем. Остров заманил меня в свои сети, я утопала в сюжете, одновременно летя к развязке и не желая расставаться с историей. Неожиданные повороты добавляли остроты, хотя и без них я прикипела к героям и прочувствовала все их эмоции.

История зацепила, влюбила в себя и разбила сердечко. Я будто отправилась в путешествие на африканский остров. «Пальмы в снегу» стали моим билетом, транспортом и проводником!

Дарья Загузова

Бывают такие книги, которые разбивают сердце и душу выворачивают наизнанку. Закрывая их, ты украдкой вытираешь слёзы, а внутри себя не можешь смириться с прощанием. Это одна из лучших историй о любви, которые я читала.

Дания Насибулина
@tell_about_books

Щемящая сердце история. Автор переносит нас в колониальную Африку и своим стилем и словом даёт прочувствовать всю атмосферу на себе. Книга пропитана ароматом какао-бобов и зеленью джунглей. Это тот тип историй, который въедается в память. Нипочём её не забыть.

Светлана Агалакова

Лус Габас рассказывает семейную сагу, которая по драматизму не уступит многотомным творениям отечественных писателей. Но повествование ведется под жарким солнцем Африки и Испании, знакомя нас с теми историческими и культурными событиями, про которые никогда не рассказывают в школе на уроках истории.

Есть книги на вечер, а есть книги – на века. Мне кажется, «Пальмы в снегу» – одна из них.

Александра Хорват

@alexa_reader

Потрясающей красоты и силы семейная сага!

Роман Лус Габас обладает поистине волшебным свойством. Он способен с первых страниц перенести вас в жаркую африканскую атмосферу. *И этот* манящий, пленительный континент с необычайной природой поймают в сети не только героев книги, но и тебя, читатель.

Запретная любовь на фоне разворачивающихся недовольств коренного населения испанскими колонизаторами, жгучая страсть, позволяющая забыть, кто ты и откуда родом, семейные скелеты, давно похороненные в шкафу.

Я провалилась в эту книгу и это было невероятно интересное приключение.

Эльмира Дзахова

@followmybook

Эта книга просто невероятная. Автор не оставляет ни единого шанса не влюбиться в эту историю. Ты буквально проживаешь часть своей жизни вместе с героями.

Эта книга о любви. Но о любви разной. О любви между любовниками, о любви к месту, о любви к дому, где бы он ни был. А самое главное – о любви к человеку: белому или черному, родному или нет, к рабу или свободному.

Обязательно читайте и будьте уверены, что остров Фернандо По заберет ваше сердце и уже никогда не вернет его прежним.

Дарья Трофимова

@pro.books_

У нас есть возможность погрузиться в неповторимый мир испанской колонии, побывать на плантации какао и в поселениях аборигенов, узнать их обычаи и традиции. Но нас не будут держать только в прошлом, так что мы узнаем продолжение истории уже в наши дни.

Книга понравится тем кто любит погружение в неповторимую атмосферу, хитросплетение судеб людей из разных народов, борьбу за любовь и будущее, неожиданные сюжетные повороты и немного политики.

Amber

Читать эту книгу – словно пить горячий шоколад на заснеженной улице: губ касается то жар, то морозный воздух. Так вся история и будет рассказана: от слёз к улыбке, от ненависти к счастью.

Елена Якушина

@sitelle_book

Это удивительная семейная сага, побудившая меня не только сопереживать судьбам нескольких персонажей, но и открывая глаза на некоторые проблемы прошлого, которые до сих пор влияют на наш

современный мир. История, которая останется не только на бумаге, но и прочно осядет в ваших мыслях.

Марина Демьянова

@mori_tyan

Это прекрасный роман, он чувственный, он повествует о семейных ценностях, о настоящей любви, о том, как важно бывает следовать зову сердца. А какой у автора слог! Я будто не читала, а плыла по течению, настолько гармонично получилось слиться с текстом. В финале, конечно же, не получилось сдержать слёз, но это того стоило.

Екатерина Пападопулос

@ktrn.books

«Пальмы в снегу» можно отнести к семейным сагам, потому что мы познакомимся с историей одной испанской семьи, в прошлом которой спрятаны секреты.

«Семья как лес. Если ты снаружи, ты видишь только густые заросли. Но когда ты внутри, ты видишь, что у каждого дерева есть свое место».

В конце концов у каждой пальмы в этой истории есть свое место: соединить снег и зной можно грубо, а можно по любви, и пусть помогут в этом духи острова.

Оксана Юрченко

@stopchenko_oksana

В романе есть все: дружба, любовь, рабочие отношения, политическая повестка, но самым интересным для меня было то, как родные братья совершенно по-разному "вписываются" в общество: один остается колонистом, а второй старается "понять" и "впитать" местную культуру.

Книга читается легко и подарила мне несколько увлекательных, эмоциональных дней.

Галина Гальшина

@morethanstyle_msk

Книга вывернула мою душу. В ней так много всего: дружба, колонизаторство, любовь к острову и любовь запретная. Я прожила эту книгу вместе с героями и в конце не смогла сдержать слёз.

История Килиана и Бисилы попала в сердце и осталась там навсегда.

Ирина Баранова

@antirinka

Пролог

Сегодня ночью вы будете беззаветно любить друг друга, ибо вы знаете, что это последняя ваша ночь вместе. Больше вы не увидите. Никогда. Никогда...

Вы будете целовать и ласкать друг друга с голодным пылом, а за окном будет бушевать тропический ливень, заглушая ваши неистовые крики.

– Можно смотреть на тебя, можно касаться тебя еще пару минут?

В углу комнаты стоят два стареньких кожаных чемодана; дождевик небрежно брошен на спинку кресла. Дверцы опустевшего шкафа распахнуты настежь. На столе – пробковый шлем и фотография, на полу разбросана одежда. Кровать закрыта москитной сеткой, и двое на ней пылко любят друг друга под всполохи молний...

Это случится лишь спустя восемнадцать лет. Ты мог предвидеть опасность, но все же решил остаться. Ты мог бы вообще не уходить... Ты мог бы сбежать от проклятого дождя. Ведь он воскрешал воспоминания о самых грустных днях твоей жизни. А она... она могла бы вовсе не смотреть в твою сторону, ведь она знала, что не должна. Она могла бы избежать этой жестокой реальности.

А дождь все лил, навевая тоску и тревогу, вызывая слезы, которые вы оба пытались сдерживать. Ты пережил столько ночей, полных тихого, нежного чувства. Ты испытывал запретные удовольствия. Вы могли любить друг друга, не скрываясь. Но тебе этого было мало.

Расцарапывай кожу ногтями, кусай, лижи языком! Утопай в ее аромате. Забери ее душу и подари взамен свое семя, пусть даже оно не даст ростков.

– Мне пора.

– Тебе пора.

– Ты останешься в моем сердце.

Навеки.

Два коротких, резких удара в дверь, пауза, потом еще два – условный сигнал. Хосе, как всегда, точен. Торопись – или опоздаешь на самолет. Но ты не спешишь. Вы не в силах друг от друга оторваться. Тебя тянет разрыдаться. Так закрой глаза и удержи это мгновение нереальности.

Отведенное тебе время вышло, и его не вернуть. Вы уже все обсудили. Нет смысла плакать: все идет, как идет. Возможно, в другое время, в другом месте... Но нам не дано решать, где и кем родиться. Вы просто полюбили друг друга, зная, что рано или поздно этот день наступит.

Ты встаешь с постели и начинаешь одеваться. Она продолжает сидеть, обнимая колени и положив на них подбородок. Она следит за тобой, а потом закрывает глаза, чтобы сохранить в памяти каждую черточку твоего тела, каждую прядку волос. Когда ты заканчиваешь одеваться, она встает и приближается к тебе. На ней лишь ожерелье из двух ракушек на кожаном шнурке. Она никогда его не снимает. Одна из ракушек – каури, блестящий завиток размером с миндальный орех, вторая – окаменевший домик ахатины, африканской улитки. Она снимает украшение и надевает тебе на шею.

– Это принесет удачу и процветание на твоем пути.

Ты крепко обнимаешь ее за талию и привлекаешь к себе, вдыхая аромат ее кожи.

– Моя удача умерла здесь и сейчас.

– Не отчаивайся. Где бы ты ни оказался, с тобой будет часть меня.

Ее огромные, полные грусти глаза излучают уверенность. Она хотела бы верить, что даже смерть не разлучит вас и что есть на свете место, где вы будете едины, вне времени, вне границ и без притеснений.

Ты дотрагиваешься до раковин в ожерелье. Каури гладкая на ощупь, как ее кожа, и блестит, как ее зубы, а отверстие в ней подобно вульве, куда входит и откуда исходит жизнь.

– Ахатина убережет меня от дьявола?

Она улыбается, вспоминая ваш разговор, когда все случилось впервые.

– Ты силен, как сейба, и гибок, как королевская пальма. Порывы ветра не сломят тебя. Твои корни глубоко в земле, а ветви достают до неба.

Снова слышны два резких, коротких удара в дверь, пауза и снова стук. Затем звучит голос, перекрывая шум бури:

– Прошу вас! Уже поздно! Нам надо идти.

– Минуту, Йозе. Я иду!

У вас лишь минута на прощание, но хочется выпросить еще и еще минуту. Она собирается одеться, но ты не отпускаешь ее.

– Оставайся обнаженной, как сейчас. Позволь полюбоваться на тебя.

Сейчас у нее нет даже защитного ожерелья. А что *ты* оставишь ей? На столе только шлем, который тебе больше не нужен, и единственная фотография, на которой вы вдвоем. Ты берешь один из чемоданов, открываешь его и достаешь ножницы. Складываешь фотографию, отделяя ее изображение, и разрезаешь, потом передаешь ей половинку, на которой ты стоишь, опираясь на грузовик.

– Вот. Помни меня таким, какой я сейчас, какой и я тебя запомню.

Ты смотришь на вторую половинку, с которой улыбается она, прежде чем положить в карман рубашки.

– Ужасно, что я не могу... – Рыдание не позволяет тебе продолжить.

– Все будет хорошо, – честно лжет она.

Она лжет, потому что знает, что будет страдать каждый раз, проходя через двор, входя в столовую или положив руку на белоснежные перила лестницы. Она будет страдать, заслышав над головой самолет. Ей будет больно, когда хлынет такой же ливень, как сейчас.

– Все будет хорошо...

Ты крепко сжимаешь ее в объятиях, понимая, что хорошо уже не будет. Спустя несколько мгновений ты возьмешь чемоданы и дождевик, страстно поцелуешь ее, потом направишься к двери, но услышишь ее голос и остановишься.

– Постой! Ты забыл шлем.

– Он мне не пригодится.

– Но он будет напоминать тебе о том, кем ты был.

– *Ты* сохрани его. И помни, кем я был для тебя.

Ты вернешься и подаришь ей последний поцелуй, полный непостижимой, теплой, томной нежности. Ты посмотришь ей в глаза и стиснешь зубы, чтобы сдержать рыдание. Вы прижметесь щеками друг к другу. А затем ты откроешь дверь и закроешь ее за собой с тихим стуком, который для тебя прозвучит громче пушечного залпа. Она прислонится лбом к двери и горько заплачет. А ты растворишься в ночи и в буре, которая ни на мгновение не желает затихать.

– Спасибо, Хосу. Спасибо, что сопровождал меня все эти годы.

Это первые слова, которые ты произносишь с тех пор, как покинул спальню и отправился в аэропорт. Они звучат странно, как будто и не тобой сказаны. Все вокруг кажется странным: дорога, дома, металлический терминал и прохожие. Все они нереальны.

– Не за что, – отвечает Хосе уныло, положив руку тебе на плечо.

В его окруженных морщинками глазах блестят слезы. В этих жарких краях он заменил тебе отца. Годы лишили его зубов. Когда твой отец писал про Хосе или рассказывал истории у камина долгими зимними вечерами, изредка наведываясь домой, он говорил, что ни разу не

видал таких прекрасных белых зубов. Но это было в прошлой жизни... От прошлой жизни почти ничего не осталось.

Вы больше не встретитесь. Дурманивший запах зелени, жар солнца на коже, печальное пение, стук барабанов, пляски на праздниках, благородство друзей, таких как Хосе, – все это останется в прошлом. Ты больше не будешь частью этого мира. Как только ты ступишь на трап самолета, ты снова станешь *йопотто*, «чужеземцем».

– Дорогой мой друг Йозе... можно попросить тебя о последней услуге?

– Слушаю.

– Если не сложно, когда у тебя будет возможность, сможешь отнести цветы на могилу отца? Он остается совсем один в этих краях.

Отцу, должно быть, тяжело было думать, что его останки будут покоиться на краю земли, где никто не проведет и пары минут у его могилы.

– Пока я жив, на могиле Антона всегда будут свежие цветы.

– Спасибо, друг мой.

Спасибо, что спас от беды. Спасибо, что помог понять, насколько этот мир отличен от моего. Спасибо, что научил любить его, что научил видеть больше, чем деньги, за которыми ты сюда приехал. И спасибо, что не осудил.

– Я слаб духом, Йозе.

– Нет, ты крепок духом, друг.

Мой дух слаб, это твой дух силен.

Сердце болит, но оно бьется. Ты все сможешь пережить. Да, ты сможешь. Но ты честно сказал Йозе: «Я слаб духом».

Самолет ждет на полосе. Прощай, *витема*, человек с большим сердцем. Будь осторожен. Береги себя. И давай пожмем друг другу руки...

Ты позволишь облакам перенести тебя за тысячи километров, пока не достигнешь Мадрида, а дальше сядешь на поезд до Сарагосы. Затем поймашь попутку и скоро вновь будешь на родине. Но долгие часы путешествия окажутся слишком короткими, чтобы отделить тебя от прошедших лет – лучших в твоей жизни. И понимая, что лучшие годы твоей жизни прошли в дальних краях, ты будешь хранить этот секрет в самых отдаленных уголках сердца.

Откуда тебе знать, что эта тайна увидит свет спустя три десятка лет. Что спустя годы половинки фотографии, так жестоко разделенные, судьба соединит снова. Но пока что Кларенс не родилась, как и Даниэла.

Самолет набирает высоту, и ты видишь, как остров становится все меньше и меньше. Место, которое захватило тебя однажды, скоро станет крошечной черточкой на горизонте, а потом и вовсе исчезнет. С тобой вместе летят другие люди – все хранят молчание и держат свои секреты при себе. А ты лишь прошепчешь несколько слов, которые теснят грудь:

– *Йо ма вэ э этула*. Прощай, мой милый остров в океане.

Глава 1

Записка

Пасолобино, 2003 год

Кларенс держала в руках клочок бумаги. Он был прикреплен к одному из множества полупрозрачных конвертов с красно-синей каймой, типичных для прошлой эпохи. Тончайшая писчая бумага весила немного, и ее дешевле было отправлять по почте. В результате романы длиною в жизнь втискивались в невозможные рамки.

Кларенс в сотый раз перечитала записку. Сперва ей просто было любопытно, но постепенно возникло чувство беспокойства. Она была написана кем-то другим и затем подброшена на письменный стол в гостиной.

«Я не вернусь на Фернандо-По. Поэтому, если вы не против, я надеюсь на друзей в Уреке. Вы можете продолжать пересылать деньги. Она в добром здравии, она очень сильная. Ей приходится быть сильной, потому что она очень скучает по отцу. Мне жаль это говорить – я знаю, что вас это огорчит, – но он умер несколько месяцев назад. Не волнуйтесь за ее детей, они тоже здоровы. Старший уже работает, младший учится. Как видите, все сильно изменилось, с тех пор как вы сами работали на какао...»

И все – ни даты, ни имени. Кому она адресована? Получатель никак не мог быть ровесником бабушки; всё – и чернила, и стиль, и бумага, и даже почерк выглядели куда современнее. Более того, по последней фразе было ясно, что записка адресована мужчине. Все это сокращало круг до ее отца Хакобо и дяди Килиана. Записка лежала рядом с пачкой писем, написанных отцом, и это тоже было странно. Зачем хранить все эти письма? Девушка решила, что отец мог сохранить записку, а потом отчего-то решил достать ее снова, не заметив, что уголок оторвался. Зачем он все это сделал? Было ли там что-то компрометирующее?

Она взглянула на записку непонимающе, положила ее на ореховую столешницу позади черного кожаного дивана в стиле честерфилд, и потерла усталые глаза. Сидела и читала пять часов, не отрываясь. Со вздохом поднялась, чтобы подбросить дров в камин. Угли занялись и затрещали в пламени. Весна в этот раз выдалась куда сырее, и она продрогла от долгого сидения. Протянула ладони к огню, растерла предплечья и облокотилась на каминную полку, над которой нависало прямоугольное деревянное зеркало, украшенное сверху резной гирляндой. В зеркале отразилось утомленное лицо с тенями под зелеными глазами, непослушные каштановые локоны выбились из пышной косы. Она отбросила прядки и принялась рассматривать точеные линии лба. Почему эти строки так ее обеспокоили? Тряхнула головой, как будто ее пробил озноб, и вернулась к столу.

Рассортировала письма по авторству и датам, начиная с 1953 года, когда Килиан писал каждый вечер. Содержание полностью соответствовало педантичной натуре дяди – письма изобиловали множеством деталей повседневной жизни, он подробно обо всем рассказывал сестре и матери. Писем от отца было куда меньше, и он частенько добавлял три-четыре строчки к «томам» своего брата. Записки ее бабушки Антона были короткие и сухие, состояли из формальных выражений, типичных в тридцатых и сороковых годах. По большей части он писал, что благодарит Бога, что здоров, и желает здоровья всем остальным. Иной раз он благодарил за щедрость соседей и родственников, которые помогали содержать дом Рабалтуэ.

Кларенс была рада, что осталась одна дома. Ее кузина Даниэла и дядя Килиан отправились в город к врачу, а родители должны вернуться не раньше завтрашнего вечера. Она не могла избавиться от легкого чувства вины за то, что читала личные строки тех, кто еще жив. Обычно такое делают, когда приводят в порядок бумаги тяжело заболевшего или умершего.

Но было интересно узнать, что писали ее отец и дядя десятки лет тому назад. Письма дедушки, которого она совсем не знала, но уже выяснила несколько забавных историй, читались по-другому. Они были нацарапаны дрожащей, нетвердой рукой человека, не привыкшего много писать, и пронизаны скрытой ностальгией. Строчки пробуждали в девушке сильные чувства, и ее глаза уже не раз наполнялись слезами.

Она вспомнила, как в детстве открывала темные створки старого шкафа в гостиной и перебирала письма, пытаясь представить, каким был дом Рабалтуэ столетие назад. В шкафу хранились пожелтевшие от времени газеты, брошюры для путешественников и рабочие контракты, счета за продажу скота и аренду земли, списки остриженных овец, живых и погибших ягнят, памятные и крестильные открытки, рождественские поздравления, почти неразборчивые из-за выцветших чернил, свадебные приглашения и меню, фотографии дедушек и прадедушек, внучатых дядей и тетей, кузенов и родителей, земельные сделки семнадцатого века и договор о земельном обмене между горнолыжным курортом и наследниками усадьбы. В то время ей не приходило в голову присмотреться к личной переписке: вполне хватало рассказов Килиана и отца. Но после посещения конференции с участием африканцев некоторые странные и тревожные мысли зародились в ее сердце. Она ведь была дочерью, племянницей и внучкой колонистов.

С тех самых пор любопытство, касающееся всего, связанного с ее предками, не отпускало девушку. Несколько дней назад она ощутила внезапное и сильное стремление отправиться в деревню и открыть старый шкаф. Такое же нетерпение она испытывала, когда задерживались средства на университет. К счастью, ей удалось в рекордное время освободиться от забот, чтобы воспользоваться возможностью посетить старый дом. Теперь у нее была возможность перечитать всю переписку и наконец успокоиться. Интересно, кто-то еще открывал тот шкаф за последние несколько лет? Что, если ее мать Кармен или кузина Даниэла доискивались прошлого? Что, если отец или дядя захотели вспомнить те дни, когда писались эти строки, и снова стать юными?

Но она быстро отбросила эту мысль. Даниэле нравился старый каменный дом с его древней мебелью, но не более того. Кармен родилась и выросла в других местах и не считала дом своим. Ее единственной заботой после смерти матери Даниэлы было содержать дом в чистоте и порядке и держать амбары полными, чтобы в любой момент можно было устроить праздник. Она любила там отдыхать, но была рада иметь свой собственный дом.

Килиан и Хакобо ничем не отличались от других мужчин с гор. Они были очень скрытными и строго оберегали свою частную жизнь. Удивительно, что ни один из них не уничтожил те письма, как она поступила со своими юношескими дневниками, полагая, что уничтожение дневников сотрет из памяти все, что с ней происходило. Кларенс взвесила все варианты. Возможно, они думали, что в письмах нет ничего особенного, что могло бы их скомпрометировать. Или они просто забыли об их существовании? Какие бы ни были причины, она все выяснит, особенно о том, что не было написано. И вопросы возникли с появления клочка бумаги, который она только что прочла. Этот клочок мог всколыхнуть тихую жизнь дома в Пасолобино.

Не вставая с кресла, Кларенс дотянулась до деревянного ящичка на журнальном столике и вытащила из него лупу, чтобы получше рассмотреть листок. В правом нижнем углу виднелось что-то мелкое, похожее на цифру. Прямая, перечеркнутая поперек. Возможно, это семь. Семерка!

Она барабанила пальцами по столешнице. На номер страницы не похоже... Может, год? 47-й? 57-й? 67-й? Ни одна из этих дат не вызывала у нее ассоциаций с колониальными временами и испанцами на плантациях какао. Ничто не привлекло ее внимания, кроме строк, где аноним писал, что уже не вернется, как обычно, что кто-то посылал деньги из дома Рабалтуэ и что умер близкий человек получателя письма.

Кому отец, если это он, мог отправлять деньги? Почему он так заботился о чем-то здоровье и, тем более, о чьей-то работе или учебе? Чью смерть он так тяжело переживал? Там написано «друзья в Уреке». Она ни разу не слышала об этом месте. И, самое главное, кто такая она?..

О жизни мужчин из дома Рабалтуэ в дальних странах рассказывалось сотни историй. Она помнила все наизусть, потому что Килиан и Хакобо при любой возможности вспоминали о своем потерянном рае. Правдивая история, которая впоследствии превратилась в сказку. Началась она десятки лет назад в маленькой деревушке в Пиренеях, продолжилась на маленьком африканском острове, а закончилась вновь в горах. До нынешнего момента Кларенс не приходило в голову, что все могло быть по-другому: все началось на африканском острове, продолжилось в деревеньке в Пиренеях, а завершилось в море. Может быть, ей забыли рассказать что-то важное?

Она отпустила свое воображение в странствие и нахмурилась, вспоминая, о ком Хакобо и Килиан говорили. Почти все принадлежали к ближайшему кругу. Неудивительно, что зачинщиком этих экзотических приключений был молодой авантюрист из деревни Пасолобино, который отправился в путь в конце девятнадцатого века, когда родились бабушка Марианна и дедушка Антон. Неведомо какие ветры занесли его на остров в Атлантическом океане, в то место, которое позже стали называть залив Биафра. Через несколько лет он скопил небольшое состояние и приобрел плодородную землю. А потом холостяки и молодые пары из Пиренеев решили отправиться на работу на плантации или же в город неподалеку. Променили зеленые пастбища на пальмы.

Кларенс улыбалась, представляя грубоватых и замкнутых горцев – суровых, со сжатыми губами, привыкших к снегам, зеленым лугам, и серым валунам; теперь им надо было привыкать к ярким краскам тропиков, смуглым полуобнаженным телам, хлипким хижинам и нежности морского бриза. Ей непривычно было представлять Хакобо и Килиана в качестве главных героев книг или фильмов о колонистах, какими их видели европейцы. Но она знала только это. Она с ясностью рисовала ежедневный быт на плантациях, отношения с местными жителями, еду, летяг, змей, мартышек, разноцветных ящериц, мошку и москитов, воскресные вечеринки и перестук тумба и дрома. Именно так ей это и рассказывали. О том же она прочитала в первых письмах Килиана. Какая же тяжкая у них была и жизнь, и работа! Невыносимая...

Ее дети тоже здоровы... Значит, год должен быть 77-й, или 87-й, или 97-й. Кто бы объяснил, что значат эти строки... Она хотела сперва расспросить отца и Килиана, но быстро сообразила, что ей будет стыдно признаться в том, что читала их письма. Однажды любопытство заставило ее задать прямые вопросы во время семейного обеда, но когда дело касалось колониального прошлого, оба проявляли удивительную способность переводить разговор на другие, невинные темы. Надежды получить исчерпывающий ответ на прямой вопрос относительно писем не было.

Кларенс встала, зажгла сигарету и подошла к окну. Приоткрыла его, чтобы выпустить дым, и вдохнула свежий воздух. Дождь слегка увлажнил темные сланцевые крыши каменных домишек, жмущихся друг к другу. Длинный старый квартал Пасолобино выглядел ровно так же, как на старых черно-белых фотографиях начала двадцатого века, хотя большинство домов были перестроены, а улицы покрывал асфальт, а не брусчатка. Ниже деревеньки, история которой восходила к одиннадцатому веку, располагались туристические кварталы и отели горнолыжного курорта.

Она перевела взгляд на заснеженные пики, где заканчивался хвойный лес и начинались голые скалы, еще укрытые белым одеялом. В струящемся тумане вид на вершины был потрясающий. Как ее родные могли переносить такую долгую разлуку с этими горами, утренним ароматом влажной земли и безмятежной тишиной ночи? Было что-то манкое в этом пейзаже, если все ее родственники, уезжавшие на остров, рано или поздно возвращались назад.

Внезапно ей в голову пришло имя того, кого стоит спросить. Как она раньше о ней не подумала? Хулия! Никто не знал ответов лучше Хулии. Она прожила на острове всю жизнь и всегда разделяла ее любовь к историям Хакобо и Килиана. Она всегда была рада подольше поболтать с Кларенс и с самого детства относилась к ней с теплотой, потому что у нее самой были только сыновья.

Кларенс быстро потушила сигарету, бросила ее в пепельницу и, покинув гостиную, направилась в кабинет, чтобы позвонить Хулии.

Пересекая просторный вестибюль, она задержалась перед большим полотном, висящим над изумительной резной аркой работы мастеров семнадцатого века – одно из немногих уцелевших сокровищ, носивших на себе отблеск былого величия. На полотне было изображено их семейное древо. Первое имя, которое она прочла в левом нижнем углу, отмеченное 1395-м годом, было «Килиан Рабалтуэ». Трудно было представить, как ирландский святой, странствовавший по Франции, оказался в Германии и объединил свою фамилию с основателем ее рода. Скорее всего, этот самый Килиан пересек Пиренеи и так попал из Франции в Пасолобино. Ген странствий и медные жилы побудили его построить здесь дом. Из его имени вырос толстый ствол, от которого разбежались ветви, а на листьях были начертаны имена сотен потомков.

Кларенс остановилась на поколении дедушки – первооткрывателях дальних земель, и пробежала взглядом по датам. В 1898 родился ее дедушка, Антон Рабалтуэ. В 1926-м он женился на Марианне с Мальты, родившейся в 1899-м. В 1927 году родился отец, в 1929-м – ее дядя Килиан, а в 1933-м – тетя Каталина.

Родословным в этих краях можно было доверять. Тут каждый знал, откуда произрастают корни. Ствол соединял по прямой самого первого Килиана с последними его потомками. В определенном месте девушка обнаружила свою дату рождения, фамилию, имя и дом, где появилась на свет. Многие из вошедших в их семью были родом из соседних деревень, названия которых также вписывались. В семье было принято давать одни и те же имена из поколения в поколение, воскрешая времена благородных сеньоров и сеньор. Древние имена только распаляли воображение. Мариано и Марианна, Хакобо и Джакоба, пара Килианов, Хуан и Хуана, Хосе, Хосефа, несколько Каталин, Антонио и Антония...

Изучение родословных было одной из ее страстей. Кларенс представляла, как жизнь протекала практически без изменений: люди рождались, росли, заводили детей и умирали на той же земле под тем же небом. Однако последние имена на семейном древе – Даниэла и Кларенс – прерывали связь с прошлым, нарушали его монотонность. Как будто с самого момента их рождения что-то изменилось, как будто родители отметили их особое предназначение. Уже взрослыми они с кузиной выяснили, что Килиан избрал имя Даниэла, не посоветовавшись со своей женой Пилар, чтобы та не смогла помешать ему. Это имя всегда ему нравилось. А вот для Кларенс имя выбрала мать, большая любительница любовных новелл. Она рыскала в прошлых странствиях отца, пока не натолкнулась на имя, достаточно звучное, чтобы ей понравиться, – Кларенс Рабалтуэ. Хакобо не возражал, возможно, потому что имя из африканского городка напомнило ему об идиллическом прошлом, которое они с Килианом часто вспоминали.

Стоя напротив семейного древа, Кларенс мысленно заполнила еще несколько ячеек над именем кузины и своим собственным. Какие имена будет носить следующее поколение, если оно появится? Девушка улыбнулась. При ее темпе жизни годы пройдут раньше, чем заполнится следующий ряд. Жаль, поскольку она представляла жизнь как цепочку имен и фамилий, которые формируют прочное и обширное целое. Она не понимала, как кто-то может не знать своих предков старше третьего поколения. Конечно, не всем повезло вырасти в давно обжитых семьях краях. В ее случае понятная и даже немного преувеличенная привязанность к дому, долине и горам была не просто следствием генетики. Это было нечто более глубокое и мистическое, умаляющее ее экзистенциальный страх собственной ничтожности. Возможно, именно желание стать связующим звеном между прошлым и будущим помогло Кларенс в ее

лингвистических исследованиях диалекта Пасолобино. Ее недавняя защита докторской, после которой она утомилась и пресытилась научными кругами, сделала ее единственным серьезным экспертом в почти исчезнувшем наречии, а также хранителем культурного наследия. И девушка очень этим гордилась.

Тем не менее она не могла не признать, что порой жалела о том, что образование отняло значительную часть ее жизни, особенно личной. В любви ей не везло. Так или иначе, ни один из парней, с которыми она заводила отношения, не задерживался дольше, чем на год. Та же проблема была и у Даниэлы, но кузину это так не беспокоило; может быть, потому что она была на шесть лет младше или гораздо терпеливее. Кларенс снова улыбнулась. Как им повезло, что они – единственные дети, взрослевшие вместе. Что бы она делала, не будь рядом малышки, которая заменила ей всех ее кукол? Они с Даниэлой совсем не похожи, но были близки и делили тысячи приключений и авантур. Она помнила кодекс чести, который они вдвоем создали, когда кузина стала достаточно взрослой, чтобы ходить с ней на вечеринки: если им нравился один и тот же парень, право на него имела та, что встретилась с ним раньше. К счастью, у них были разные характеры: Даниэла обладала более робкой, практичной и менее страстной натурой, – и разные вкусы: Кларенс нравились таинственные мускулистые одиночки, а ее кузине – самые обычные. Поэтому их верность друг другу никогда не подвергалась сомнению.

Кларенс отправила воображение в полет на несколько секунд, придумывая имена невидимых потомков.

Внезапно по телу пробежала дрожь, будто кто-то подул ей в затылок или пощекотал перышком. Она быстро обернулась, испугавшись, и тут же поняла, что выглядит глупо. Знала же, что нескольких дней тут никого не будет и все двери хорошо заперты, – не такая уж она легкомысленная, хотя, может, и больше, чем ей хотелось бы.

Девушка покачала головой и сосредоточилась на том, что собиралась сделать: позвонить Хулии. Она прошла через одну из дверей с панелями алмазной грани в комнату под широкой деревянной лестницей, там был ее кабинет. Самое видное место в кабинете занимал большой стол из американского дуба, на котором лежал сотовый. Хулия – женщина весьма организованная, и как раз сейчас должна вернуться домой из церкви. Она с подругой ходила к пятничасовой мессе, гуляла по городку и, прежде чем ехать домой, выпивала чашечку горячего шоколада.

Странно, но домашний Хулии не отвечал. Кларенс позвонила на сотовый и узнала, что сейчас Хулия играет в карты с другой подругой. Она была так сосредоточена на игре, что они и парой фраз не обменялись. Но договорились встретиться завтра. Кларенс была разочарована. Ей оставалось только ждать.

Один день.

Она решила сложить разбросанные бумаги. Вернула на место письма, а записку сунула в сумочку. После оживления последних часов ей вдруг стало нечем заняться. Устроилась на софе перед камином, зажгла еще одну сигарету и подумала – как много изменилось с тех пор, как Антон, Килиан и Хакобо отправились на остров, особенно со времени, когда у Кларенс появился компьютер, *e-mail* и телефон, чтобы моментально связываться с теми, кого любишь. Эти изобретения сделали ее поколение нетерпеливым; молодежь не выносила неопределенности, и малейшая задержка казалась медленной пыткой.

Сейчас единственное, что занимало Кларенс, сможет ли Хулия объяснить смысл нескольких строк. В ее понимании, это значило только одно: отец постоянно посылал деньги неизвестной женщине.

Все остальное в ее жизни вдруг стало вторичным.

На следующий день, ровно в полшестого, Кларенс стояла у входа в церковь, поджидая Хулию. Она всего пару минут любовалась величавой романской колокольной, когда двери распахнулись, и оттуда, вежливо здороваясь с девушкой, вышла группка прихожан, постоянно

бывающих на мессе. Она тут же заметила Хулию – невысокую, со вкусом одетую, с короткой, недавно уложенной каштановой стрижкой и красивым шарфом на шее.

Женщина одарила ее сияющей улыбкой.

– Кларенс! Давно не виделись! – Она дважды звонко поцеловала девушку и, подхватив ее под руку, повела прочь от церкви, мимо каменной, увенчанной металлической оградой стены. – Прости, что вчера не уделила тебе внимания, но ты позвонила, как раз когда мне пошла карта. Что тебя сюда привело? Работа?

– У меня немного занятий в этом семестре, – ответила Кларенс, – так что есть время кое-что выяснить. А ты? В этот раз задержишься тут надолго?

Семья матери Хулии была родом из долины Пасолобино. Они все еще владели одним из многочисленных домов, разбросанных по полям вокруг поселка. Ее мать вышла замуж за человека из соседней долины. Они отправились в Африку, когда Хулия была очень маленькой. Девочка оставалась под присмотром бабушки и деда, пока родительский магазин скобяных товаров не начал приносить доход, после чего они забрали ее к себе. Там Хулия вышла замуж и родила двоих детей. Когда в конце концов они обустроились в Мадриде, Хулия с детьми полюбила ненадолго наезжать в Пасолобино; иногда с ними приезжал и ее муж. После того как два года назад он умер, пребывание Хулии в родных местах длились все дольше и дольше.

– По крайней мере, до октября. Что хорошо, когда дети взрослые, – они во мне не нуждаются. – Хулия криво усмехнулась и добавила: – И при таком раскладе они не могут постоянно оставлять на меня внуков.

Кларенс рассмеялась. Она любила Хулию. Хотя этого и не заметишь с первого взгляда, та была женщиной умной и решительной. К тому же – и это выделяло ее – она была образованна, наблюдательна и рассудительна, с открытым и легким характером, что придавало ей утонченности и изящества. Кларенс была уверена, что эти свои качества Хулия обрела благодаря дальним странствиям и жизни в столице. Однако, когда женщина бывала в Пасолобино, казалось, что она никогда никуда не уезжала. Ее простота и скромность помогли ей приобрести множество друзей. Хоть она и шутила насчет детей и внуков, Хулия никогда не отказывалась помочь, когда помощь была нужна.

– Хочешь горячего шоколада? – предложила Кларенс.

– В день, когда я не захочу, можешь начинать волноваться!

Они медленно шли по узким, мощенным брусчаткой улочкам. Затем, оставив старые кварталы позади, по широкой, с высокими фонарными столбами и четырех-пятиэтажными домами улице, отделявшей старый город от нового, направились к единственному в Пасолобино магазину, где, по мнению эксперта – Хулии, – подавали правильный шоколад. Чашку можно было перевернуть, не пролив ни капли. «Когда растешь на истинном какао, – говаривала она, – не станешь мириться с подделкой». По дороге они беседовали о повседневных делах, рассказывали друг другу о своих семьях. Кларенс всегда казалось, что голос Хулии меняется, когда девушка спрашивала ее про Килиана или Хакобо. Изменение было почти незаметно, но Хулия всегда нервно покашливала.

– Давненько я не видела твоего дядю. Как он?

– С ним все в порядке, спасибо. Сдал немного, но ничего серьезного.

– А твой отец? Не приехал?

– Он приезжает, просто не так часто. Ему больше не нравится много водить.

– И это человек, обожавший машины!

– По-моему, чем больше он стареет, тем меньше любит холод. Все время ждет, пока погода исправится.

– Ну, это со всеми так. Нужно очень любить эти места, чтобы мириться со здешним бешеным климатом.

Кларенс поняла, что у нее появилась возможность сменить тему.

– Конечно, – согласилась она. – Особенно если жил в тропиках, правда?

– Слушай, Кларенс... – Хулия остановилась перед шоколадным баром. – Если бы не особые обстоятельства... ну, то, почему мы уехали, хочу я сказать...

Они вошли в бар, Кларенс пропустила Хулию вперед, радуясь, что та попала на крючок.

– ...я должна была остаться там.

Облюбовав свободный столик у окна, сняли пиджаки и шарфы, поставили сумки и уселись.

– Это были лучшие годы моей жизни...

Хулия вздохнула, жестом велела официанту принести две чашки. Потом взглянула на девушку, и Кларенс кивнула, прежде чем заговорить.

– Знаешь, где я недавно была?

Хулия вопросительно изогнула брови.

– На конференции по испано-африканской литературе в Мурсии, – Кларенс заметила изумленное выражение лица Хулии. – Да, меня это тоже сперва удивило. Я знаю кое-что об африканской литературе на английском, французском, даже португальском, но никогда не слышала, чтобы она была на испанском.

– Я и не знала, – Хулия пожала плечами. – Честно говоря, никогда об этом не думала.

– Кажется, существует великое множество неизвестных книг, как там, так и здесь. Этих писателей забыли на многие годы.

– А почему ты туда ездила? – Хулия позволила официанту поставить перед ними чашки с шоколадом. – Это как-то связано с твоими исследованиями в университете?

Кларенс поколебалась.

– И да, и нет. Правда в том, что, когда я закончила диссертацию, то понятия не имела, чем заняться. Коллега рассказала мне о конференции, и я задумалась. Как вышло, что ничего подобного мне и в голову не приходило, хотя я всю жизнь слушала рассказы папы и дяди Килиана?

Она взяла чашку в ладони. Шоколад был таким горячим, что ей пришлось несколько раз подуть на него, прежде чем сделать глоток. Хулия спокойно смотрела, как Кларенс прикрыла глаза, чтобы лучше ощутить смесь горечи и сладости, как она ее и учила.

– И ты что-нибудь узнала? – спросила наконец. – Ты довольна?

Кларенс открыла глаза и поставила чашку на блюдце.

– Очень довольна. Были писатели-африканцы, которые жили в Испании, и другие, жившие в разных странах, и те из нас, отсюда, которые исследовали огромный новый мир. Они говорили о многом, особенно о необходимости продвигать свои книги и свою культуру. – Она умолкла на миг – проверить, не заскучала ли Хулия. – Кстати, настоящим открытием было узнать, что есть африканцы, пользующиеся нашими грамматикой и языком. Удивительно, правда? Нужно только сказать, что их сюжеты сильно отличаются от того, что я слышала дома.

Хулия нахмурилась.

– И чем же?

– Ясно, что много обсуждали колониальное и постколониальное время. Унаследованную идеологию, с которой жили писатели; восхищение, неприятие, даже ненависть к тем, кто заставил их изменить историю; проблемы с самоидентификацией; попытки загладить потерянное время; утрату корней; а также наличие множества этнических групп и языков. Ничего общего с тем, что, как мне казалось, я знаю... И я сомневаюсь, что на конференции было много детей колонистов! Лично я не открывала рта. Мне было немного стыдно... понимаешь? Даже когда лектор-американец читал нам стихи на своем родном языке, буби... – Девушка сунула руку в сумочку, вытащила ручку и взяла салфетку. – На самом деле это пишется вот так: *бьюубе*.

– Буби, да, – повторила Хулия. – Писатель буби... Я удивлена, признаюсь. Не думала...

– Конечно, конечно... – прервала ее Кларенс. – Мне-то не говори! В детстве у меня была собака, ее звали Буби. – Она понизила голос. – Отец ее так называл...

– Да, и впрямь не очень удачно... хотя для Хакобо. – Она вздохнула. – Тогда были другие времена...

– Не нужно ничего объяснять, Хулия. Я рассказываю, чтобы ты поняла: для меня это было – словно вдруг взглянуть на все с другой стороны. Я поняла, что порой необходимо задавать вопросы, что недостаточно принимать как истину все, что говорят.

Девушка сунула руку в бежевую замшевую сумку, вынула бумажник, а оттуда – записку, которую нашла в шкафу.

– Я разбирала бумаги в доме и наткнулась на это среди папиных писем. – Она протянула листок, объясняя, что он был написан где-то в 1970-х или 1980-х годах. Внезапно она остановилась, увидев лицо Хулии, и встревоженно спросила:

– С тобой все в порядке?

Хулия выглядела бледной. Очень бледной. Записка дрожала в ее руке, а по щеке катилась слеза. Кларенс взяла подругу за руку.

– Что стряслось? Я сказала что-то, что тебя задело? Если да, мне очень жаль.

Почему Хулия отреагировала так?

Несколько секунд было тихо. Наконец Хулия покачала головой и подняла глаза.

– Все в порядке. Успокойся. Я просто глупая старуха. Это писал мой муж. Я расчувствовалась, когда увидела.

– Твой муж? – озадаченно повторила Кларенс. – А ты знаешь, о чем это? – Любопытство одолело ее. – Тут говорится о детях и их матери, еще о умершем отце...

– Я умею читать, Кларенс, – прервала ее Хулия, поднося к глазам платок.

– Да, прости, но это очень странно. Твой муж написал это письмо папе?

– Ну, они были знакомы, – осторожно проговорила Хулия.

– Да, но, насколько я знаю, они не переписывались, – ответила Кларенс, поднимая листок. – Они виделись, когда вы приезжали сюда на праздники. Должны были бы найтись другие письма. Но нет, только вот это.

Хулия повернула голову, избегая пронзительного взгляда Кларенс. Она смотрела на улицу, на прохожих – а мысленно перенеслась в другое время и место. На краткий миг серые дома побелели, а ближние ясени превратились в пальмы и сейбы. Ни дня не проходило, чтобы она не думала о своем любимом кусочке Африки, где прошли самые яркие дни ее жизни. Да, она была благодарна своим чудесным детям и внукам, и у нее была замечательная жизнь в Мадриде. Но в глубине души жили воспоминания о тех днях, именно с ними она просыпалась каждый день. Понять это мог только тот, кто сам оказывался в подобном положении, как Хакобо и Килиан.

Несмотря на их долгие жизни, Хулия была уверена, что спокойно они не прожили ни дня.

Что же сказать Кларенс? Рассказывали ли ей что-нибудь братья? Возможно, сейчас, в их лета, им уже не сбежать от своих далеко упрятанных угрызений совести. Что она могла сделать? Как смогла прожить всю жизнь с такой ношей?

Хулия глубоко вздохнула и повернулась к Кларенс. Насыщенного зеленого цвета глаза молодой женщины, такие же, как у Хакобо и Килиана, украшали округлое лицо, обрамленное красивыми каштановыми кудрями. Хулия знала Кларенс с малолетства и понимала, насколько настойчивой та может быть.

– А почему бы тебе не спросить отца?

Такой прямой ответ удивил Кларенс. Реакция Хулии еще больше убедила ее, что происходит нечто подозрительное. Девушка несколько раз моргнула, не зная, что ответить; потом опустила глаза и принялась рвать бумажную салфетку.

– Правду сказать, Хулия, я в затруднении. Если я покажу ему эту записку, он поймет, что я рылась в его вещах. А если у него есть тайна, не думаю, что он откроет ее мне просто вот так – после стольких лет. – Она выпрямилась и вздохнула. – Но, как бы там ни было, я не хочу на тебя давить. – Еще один вздох. – Однако будет позором, если нечто столь важное канет в небытие...

Кларенс надеялась, что Хулия сейчас решительно скажет: она напрасно тратит свое и чужое время, никакой тайны тут нет, а историю она просто выдумала. Вместо этого Хулия продолжала молчать, и лишь один вопрос бился в ее голове: *«Почему сейчас?»*

За окном лучи слабого апрельского полуденного солнца старались одолеть мелкий моросящий дождик.

«Почему сейчас?»

Хулия вспомнила, как ее муж сетовал, что колдуны и знахари дурно влияют на местных. *«Никогда не видел ничего настолько дурацкого, – обычно повторял он. – Неужто трудно связать причину и следствие? И в жизни, и в науке набор обстоятельств приводит к тому, что что-то складывается именно так, а не иначе. Но нет, для них не существует ни причины, ни следствия. Только воля богов».*

Возможно, время и прошло, да, но она не станет предавать Килиана и Хакобо. Если Господь или боги буби желают того, Кларенс узнает правду – раньше или позже. И лучше позже, чем раньше, потому что им осталось не так много времени.

– Послушай, Кларенс, – сказала Хулия наконец. – Мой муж написал это письмо в восемьдесят седьмом.

Я точно это помню, потому что это было в поездке, когда он узнал, что умер старый знакомый. – Она помолчала. – Если тебе в самом деле интересно знать, что это значит, отправляйся туда и найди человека по имени Фернандо. Он немного старше тебя. Интересен только один из сыновей. Вполне вероятно, что он по-прежнему хранит документацию Сампаки, потому что плантация еще работает – не так процветает, как раньше, но все еще существует. Вряд ли уничтожено все, но я не вполне уверена. Поищи Фернандо. Остров не больше этой долины...

– Кто такой Фернандо? – спросила Кларенс. Глаза ее загорелись, она указала на одну из строчек на листке. – И почему я должна искать его в Сампаке?

– Он родился там. Это все, что я тебе скажу, милая Кларенс, – твердо ответила Хулия. Она опустила глаза, взяла руку девушки и погладила ее. – Если хочешь знать больше – тебе надо расспросить отца. Если Хакобо узнает, что я рассказала тебе, я стану это отрицать. Тебе ясно?

Кларенс неохотно согласилась, но ее сомнения быстро сменились воодушевлением. В голове крутились, повторяясь беспрестанно, слова: *«Отправляйся в Сампаку, Кларенс! В Сампаку!»*

– Я хочу сказать вам кое-что очень важное.

Кларенс подождала, пока на нее поднимут взгляды. Ее веселая, разговорчивая семья сидела, как всегда, вокруг прямоугольного деревянного стола. Во главе – дядя Килиан, он председательствовал на всех обедах и ужинах, сколько она себя помнила. Хотя Хакобо был старше, Килиан принял на себя роль главы семьи, и, кажется, Хакобо с радостью принял порядок, позволивший ему оставаться связанным с домом, где он родился, без всяких дополнительных обязательств. Все относились к дому как к своему, но за его содержание, сдачу внаем пастбищ, так как у них больше не было ни коров, ни овец, за определение условий продажи земли растущему лыжному курорту, а также и за соблюдение традиций и обычаев дома отвечал Килиан.

Справа от Килиана, неутомимого трудяги, сидел Хакобо. Несмотря на то что обоим было под семьдесят, братья оставались сильными и здоровыми, Килиан посуше, Хакобо обзавелся

немаленьким животом, и оба гордились тем, что сохранили прекрасные темные волосы, чуть побитые сединой.

Справа от Хакобо всегда сидела его жена Кармен, симпатичная веселая женщина с короткими светлыми крашеными волосами и почти без морщин. Мать Кларенс.

Слева от Килиана, напротив Хакобо, неизменно занимала место ответственная и здраво-мыслящая Даниэла, унаследовавшая от отца, Килиана, темную, с медными прядями гриву, а от матери, если верить поселковым старожилам, нежность черт, запомнившуюся многим.

И наконец, на дальнем конце стола, напротив Килиана, сидела сама Кларенс. За долгие годы она научилась понимать «дежурные» жесты дяди. По тому, как он складывал салфетку или как смотрел на что-то на столе, она безошибочно определяла его настроение.

Спустя пару минут Кларенс поняла, что ее фраза осталась незамеченной. Все давно не виделись, и обед проходил в шумном общении. Ее родители и кузина судачили про соседей и обсуждали последние происшествия в Пасолобино, а дядя целиком ушел в размышления. Она отпила глоток вина из бокала. С дядей она всегда лучше ладила, чем с отцом. Для нее Килиан был открытым и уязвимым, хотя выглядел человеком твердым и сдержанным. Да, у Хакобо было куда лучшее чувство юмора, но он был переменчив и мог совершенно неожиданно разозлиться, особенно когда ему не удавалось настоять на своем. К счастью для остальной семьи, Кармен обладала удивительной способностью умирять его бури, она не только с легкостью управляла мужем, но и умела создать впечатление, будто его мнение никогда полностью не отвергается – как никогда полностью и не принимается.

Какотреагирует Хакобо, когда поймет, что собирается сделать его дочь? Отпив для храбрости еще вина, Кларенс повысила голос:

– У меня есть новости! И они могут вас потрясти.

Все подняли головы. Ей вдруг стало не по себе. Последние несколько недель она строила планы – собирала фото, карты и статьи из Интернета, выяснила, где находится Урека, – все это обещало стать приключением ее жизни, и теперь сердце забилося неровно.

Даниэла испытующе поглядела на нее, и так как пауза затянулась, решила помочь кузине.

– Ты кого-то встретила? Ты об этом, Кларенс? Ну и когда ты нас познакомишь?

Кармен сжала руки перед собой и заулыбалась.

– Нет, это не то, Даниэла. Это... ну... то...

– Не верю! – громыхнул Хакобо. – Моей дочке не хватает слов! Я заинтригован!

Килиан смотрел на Кларенс в упор, пытаясь ободрить ее едва заметным движением бровей: скажи всем, что так важно для тебя. Кларенс закрыла глаза, глубоко вздохнула и произнесла:

– Я отправляюсь в Биoko. В четверг. Билеты у меня уже на руках, и все бумаги тоже.

Килиан даже не моргнул. Кармен и Даниэла почти одновременно удивленно вскрикнули. Раздался звон металла: Хакобо уронил на пол вилку.

– Что ты сказала?

– Что отправляюсь в Биoko. Так сказать, на Фернандо-По...

– Я отлично знаю, где находится Биoko! – перебил он. – Чего я не понимаю – это кто тебе подал мысль ехать туда!

У Кларенс был готов ответ – чтобы подчеркнуть обоснованность и безопасность поездки, а заодно успокоить родных и саму себя.

– Вы все знаете, что я вхожу в команду лингвистов-исследователей. Сейчас я занимаюсь африкано-испанским, и мне нужно проделать кое-какую полевую работу, собрать примеры на месте. А какое место может подойти для этого лучше, чем Биoko?

– Я понятия не имела, что ты интересуешься африканоиспанским, – заметила мать.

– Ну, я же не рассказываю тебе обо всем, чем занимаюсь на работе...

– Да, но вот именно это близко касается нашей семьи, – сказала Даниэла.

– На самом деле, я занялась этим совсем недавно. Об этом очень мало публикаций. – Кларенс хотелось расспросить о Фернандо, но она удержалась. – И мне всегда было очень любопытно узнать про ваш обожаемый остров. Я всю жизнь слушала ваши рассказы, а теперь мне выпал шанс побывать там!

– Но разве там не опасно? Ты едешь одна? Не думаю, что это хорошая мысль, Кларенс, – Кармен обеспокоенно покачала головой.

– Да, я знаю, это не простая туристическая поездка, но я все спланировала. Коллега из университета знаком с тамошним преподавателем, и они помогли мне с визой. Обычно оформление занимает недели! Есть прямой рейс из Мадрида, лететь пять часов, проще некуда... И сейчас мне подумалось... может, кто-нибудь из вас захочет поехать? Папа, дядя Килиан... вы не хотите увидеть остров снова? Вы смогли бы возродить старые знакомства!

Килиан прищурился и поджал губы; Хакобо ответил за них обоих:

– С кем бы мы могли встретиться? Белых никого не осталось, а все черные, кого мы знали, должно быть, давно мертвы. И по-любому, все там разрушено. Я не поеду. Зачем? – Голос его дрогнул. – Чтобы страдать?

Он повернулся к брату, но не смотрел на него.

– Килиан, ты ведь не хотел бы туда вернуться, правда? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Килиан прочистил горло и, катая шарики из хлеба, категорично ответил:

– Когда я уезжал, то знал, что никогда не вернусь.

На несколько секунд воцарилась тишина.

– А ты, Даниэла, что насчет тебя? Хочешь поехать со мной?

Даниэла колебалась, все еще удивленная, что кузина не поделилась с ней своим решением. Кларенс смотрела в большие карие глаза, так оживлявшие лицо девушки. Она – единственная – не унаследовала зеленых глаз по мужской линии. Самой Даниэле цвет не нравился, но люди часто восхищались, встречая ее взгляд.

– Надолго ты едешь? – спросила она.

– Примерно на три недели.

– Три недели! – воскликнула Кармен. – Но это так долго! А если с тобой что-то случится?

– Ничего со мной не случится, мам! По тому, что мне рассказали, это место достаточно безопасно для иностранцев, если не делать ничего подозрительного, конечно...

Пояснение еще больше встревожило ее мать.

– Хакобо, Килиан... вы-то знаете это место, пожалуйста, отговорите ее от этой идеи!

Дальше разговор шел, словно Кларенс в гостиной не было.

– Как будто ты не знаешь свою дочь! – вскричал Хакобо. – В конце концов она сделает то, что хочет.

– Она достаточно взрослая, чтобы понимать, что делает, тебе не кажется, Кармен? – сказал Килиан. – Мы были младше, когда уехали...

– Да, – прервала его Кармен. – Но тогда там было безопасно. А сейчас молодой белой девушке путешествовать одной...

– Из того, что я читал, – люди по-прежнему ведут там бизнес, и они приезжают и уезжают без всяких проблем, – сказал Килиан. – Да и помощь волонтеров...

– А откуда ты это знаешь? – заинтересовался Хакобо.

– Интернет, – пожал плечами Килиан. – Я старик, но люблю быть осведомленным. Даниэла меня научила. Эта штука, компьютер, куда проще, чем мне казалось. – Он улыбнулся дочери. – У меня был хороший наставник.

Даниэла улыбнулась в ответ.

– А нет коллеги, который бы поехал с тобой? – настойчиво поинтересовалась у дочери Кармен.

– По правде говоря, никто из них думать не думает о поездке в такую нецивилизованную страну. Ноу меня *личный* интерес, – она подчеркнула слово «личный», – который они не разделяют. Я намерена увидеть места из ваших историй!

– Ты ничего не узнаешь! – вставил Хакобо. – Только поймешь, в каком жалком состоянии страна. Нищета и еще большая нищета.

– Прямо противоречит тому, что вы нам рассказывали, так? – В тон ему произнесла Кларенс. – Этого можно было ожидать. Факты всегда отличаются от вымысла. В худшую сторону.

Килиан нахмурился. В голосе племянницы он услышал неприкрытую дерзость.

– Кларенс, – сказал он добродушно, но твердо, – не говори о том, чего не знаешь. Если ты так заинтересована в поездке – езжай и делай собственные выводы, но не суди нас.

Кларенс не знала, что сказать. Дядя словно прочел ее мысли! Желая развеять напряжение, она повернулась к кухне.

– Ну так как, не хочешь поехать со мной?

Даниэла покачала головой.

– Жаль, что ты не сказала мне раньше! Я не могу потерять просто так три недели. Но, – добавила она, – если ты влюбишься в Фернандо-По, в следующий раз я поеду с тобой. Обещаю.

Кларенс кивнула. Все ясно, Даниэле кажется, что нескольких недель хватит, чтобы очароваться так же, как их отцы. Но ее путешествие будет проходить в иных обстоятельствах и в иное время.

– Вот не уверена, хватит ли мне пары недель... Но кто знает?

Повисло молчание. И только в головах братьев гремели голоса:

«Ты знал, что этот день придет. Ты знал. Это всего лишь вопрос времени. Так решили духи. Ты ничего не можешь сделать. Ты знал».

Апрель в горах – самый жестокий месяц.

В низинах Святая Неделя приносит возрождение жизни после зимнего запустения. Мать-Земля пробуждается, являясь на поверхность из глубин ада. В горах этого не происходит. В горах она продолжает спать, по меньшей мере, еще месяц, пока не позволит пастбищам расцвести.

В апреле не растет ничего: земля гола, пейзаж безжизненный. Все окружает мягкий, бесформенный покой – совершенно отличный от затишья перед торнадо или метелью. Чтобы увидеть признаки жизни, надо смотреть вверх, на горы и небо, а не на голую землю вниз.

Облака обнимают горные склоны, и целыми днями льет дождь. Туман ползет вниз, скрывая долину неясными сумерками, и эти сумерки длятся, пока однажды без предупреждения в просвет не скользнет солнце, чтобы согреть землю и выиграть наконец битву с зимой. Победа бесспорна, но ожидание разрушительно.

Этот апрель был особенно сырым, неделя за неделей постоянно шел мелкий моросящий дождь, не улучшавший и без того мрачного настроения. Однако в ночь, когда Кларенс объявила о своей поездке, подул северный ветер, обещавший унести дождь. Сначала был шорох, едва уловимый, неслышный, но он заявлял о себе все сильнее, рос и рос, пока не обратился мощными порывами; ветер бился в ставни, прокрадывался под двери и скользил у самых ног тех, кто находился в доме.

В эту ночь Килиан и Хакобо вспоминали события, которые, хотя и не забытые, оставались долгое время приглушенными. Хватило всего лишь нескольких слов, чтобы картины юности ожили и запылали с той же яркостью, как и десятилетия назад.

Ни один из них не мог представить, что невинное любопытство Кларенс всколыхнет все самым неожиданным образом. Девушка, сама того не подозревая, стала орудием случая – извечного противника причин и следствий, – и каждое ее действие теперь могло многое расставить по местам.

В ту ночь, после того как Кларенс объявила о своей поездке, северный ветер внезапно превратился в харматтан, горячий ветер Африки.

Глава 2

Соленая вода за бортом

В море, 1953 год

– Давай, Килиан, опоздаем на автобус! – Хакобо стремился перекрыть январский ветер, убирая снег, заваливший дверь, при помощи старой доски.

Закончив работу, он нахлобучил пониже шляпу, взял чемодан и, вскинув на плечо старые деревянные лыжи, потопал ногами, чтобы проделать тропинку, а заодно отогреться. Уже было открыл рот, чтобы позвать снова, но тут услышал голоса, доносившиеся из внутреннего двора. В следующую минуту появился и сам Килиан в сопровождении матери Марианны и сестры Каталины, закутанных в черные шерстяные пальто, с толстыми вязаными платками на головах. Женщины опирались на палки, чтобы не поскользнуться: на ногах были старые кожаные башмаки на шнурках. Хакобо улыбнулся, заметив две свертка, обернутых газетой, – хлеб с хамоном, собранные в дорогу.

– Я пройду с тобой, Хакобо? – спросила Каталина, взяв брата под руку.

– Ладно, – согласился тот и проворчал: – Лучше бы ты осталась дома, сеньора Упрямица. Мороз – не лучшее лекарство от кашля. Ты совсем бледная, и губы посинели.

– Откуда мне знать, увижу ли я тебя вновь, – возразила девушка, старательно пряча непослушную прядку под платок. – Так что хочу как можно больше времени провести рядом с тобой.

– Ну, как скажешь.

Снега в последние дни напало столько, что сугробы доходили до колен, и идти по улице было трудно. Хакобо обернулся, чтобы бросить прощальный взгляд на родной дом. Килиан остановился, чтобы подождать мать, пока та поправляла воротник, прикрывая горло. Он тоже пристально взглянул на дом, стараясь запомнить мельчайшие детали: камни фундамента, толстые деревянные рамы, утопленные в стены, ставни, висевшие на проржавевших петлях, тяжелую дверь с толстенными гвоздями обшивки и крест, выбитый над входом.

Марианна посмотрела на сына, и ее на мгновение обуял страх. Как он приживется в совершенно другом мире? Килиан совсем не похож на Хакобо! Да, он силен и полон энергии, но у него нет бесшабашной храбрости старшего брата. С самого детства Килиана отмечала удивительная чувствительность, но азарт заставлял его следовать по стопам Хакобо. Каково ему будет жить в тропиках? Она не хотела подрезать сыну крылья, но не могла не беспокоиться за него.

– Ты все еще можешь передумать.

Килиан покачал головой.

– Не волнуйся. Все будет хорошо.

Марианна кивнула, взяв сына под руку, и они побрели по едва заметной тропинке, протоптанной Каталиной и Хакобо. Из-за яростного ветра приходилось наклонять голову и сильно повышать голос.

– В доме совсем не осталось мужчин, – посетовала мать с горечью. – Но надеюсь, что однажды ваши усилия окупятся...

Килиан едва мог подобрать слова. Для матери и сестры наступают тяжелые времена. Двум женщинам придется самим следить за хозяйством, да и людей вокруг оставалось все меньше и меньше. За последние два-три года уехало много молодежи. Статьи в газетах – «Эль Нотисьеро», «Эль Эральдо», «Ла Нуэва Эспанья», «Эй-Би-Си», – еще больше подогревали желание сорваться с места. Читая их, можно было подумать, что достойное будущее можно найти везде,

кроме как в их богом забытом уголке, который обошел прогресс. И все же... Килиан уже скучал по этому месту и боялся с ним попрощаться. Впервые в жизни он покидал дом и мать, и все радостное возбуждение предыдущих дней теперь лежало камнем на сердце.

Ему было не по себе, с какой резвостью Хакобо паковал чемоданы.

– Вообще-то наши вещи там не пригодятся, – говорил Хакобо брату. – Так что бери только самое лучшее – в чем поедешь туда и потом будешь возвращаться. Но там все дешевле, сможешь купить все, что захочешь, прямо на месте.

Стараясь ничего не забыть, Килиан несколько раз переупаковывал свое барахло: несколько рубашек, пара пиджаков и брюк, несколько смен белья и носков. Он даже составил список вещей (который положил в чемодан, чтобы ничего не забыть), включив в нее двустороннюю бритву «Пальмера» и лосьон «Варон Дэнди». Его отец и старший брат уже много раз бывали в Африке и успели привыкнуть к переездам, а он нет, хотя всегда мечтал об этом.

– Если бы это было где-то поближе!.. – сетовала Марианна, крепче сжимая руку сына.

Шесть тысяч километров и три недели – теперь они представлялись вечностью – отделяли родные горы от многообещающего будущего. Все, кто отправлялся в Африку, возвращались в дорогих костюмах, с карманами, полными денег, их семьи процветали. Но это была не единственная причина отъезда: заработков отца и брата вполне хватало. В глубине души Килиан всегда мечтал своими глазами увидеть тот мир, который уже видели его соседи по долине, даже если путешествие предстояло долгое и опасное.

– Деньги нам никогда не помешают, – сказал он матери. – Все время что-нибудь случается, и цены завышают. Да и потом... Пасолобино слишком тесен.

Марианна понимала его. Ничего не изменилось с тех пор, как они с мужем Антоном поехали в Африку в 1926-м. Жизнь в деревне сулила лишь горы навоза, снег и холод. Нищеты, конечно, не было, но ожидать большего, чем самая простецкая жизнь, не стоило. Климат в долине был суровый, все зависело от погоды: и скот, и урожай. Если урожай был скудный, это отражалось на всех. Сыновья могли бы остаться и наняться на пиритовую шахту, а может, пойти в ученики к кузнецу, плотнику или кровельщику, или зарабатывать разведением скота. Килиана работа в поле или в хлеву вполне бы устроила, но он был молод, и Марианна понимала, что ему хочется научиться большему. Она сама прошла через это: мало кто из женщин долины путешествовал так далеко, и она понимала, что впечатления юности оставляют след на всю жизнь.

Они брели по узкой улочке к нижней части деревни, в тишине, нарушаемой лишь ревом ветра. Килиан радовался, что успел попрощаться с соседями еще накануне, по крайней мере им не придется выходить на улицу в пургу. Запертые окна и двери довершали картину призрачности. Впереди, едва различимые, брели Каталина и Хакобо, на краю деревни они остановились.

Марианна смотрела на детей и шутила, чтобы скрасить горечь расставания. Статным красавцам, Хакобо и Килиану, приходилось нагибаться, чтобы поговорить с сестрой, девушкой хрупкой и болезненной. Внезапно Марианна ощутила сильную тоску по мужу. Она не виделась с Антоном уже два года, а как будто пять столетий прошло. И вот теперь они с Каталиной остаются одни. Защищало в глазах, но она сдержалась: ее с детства учили быть сильной. Истинные горцы никогда не проявляют эмоций, пусть даже в кругу семьи.

Хакобо взглянул на часы – пора прощаться. Он потрепал по щеке сестру, потом подошел к матери, расцеловал дважды, быть может, немного театрально, и громко сказал, что они вернутся сюрпризом, когда она их и ждать не будет.

– Позаботься о брате, – прошептала Марианна.

Килиан обнял сестру, потом взял за плечи, пристально разглядывая. Ее подбородок задрожал, и она расплакалась. Он снова обнял ее, а Хакобо, откашлявшись, напомнил, что они опоздают. Килиан подошел к матери, Марианна прижала его к груди и почувствовала, что ее мальчик вздрагивает от едва сдерживаемых рыданий.

– Будь внимателен, сынок, – прошептала она. – И поскорее возвращайся.

Килиан кивнул, прилаживая крепления лыж к ботинкам. Подобрал чемодан, закинул за плечо сумку с едой и поспешил за братом, который уже скрылся из виду на девятикилометровом спуске, ведущем в Сербеан, ближайший городок, откуда ходили автобусы. Своей дороги в Пасолобино, лежавшей у подножия хребта, не было, и зимой не было средства быстрее и удобнее лыж.

Проехав несколько метров, он остановился, чтобы еще раз взглянуть на темнеющие фигурки матери и сестры. Несмотря на холод, женщины не двигались с места. Только когда сыновья скрылись из виду, Марианна уронила голову и дала волю слезам. Каталина молча взяла ее за руку и повела обратно к дому.

Когда братья, раскрасневшиеся и вспотевшие, но с замерзшими руками, достигли Сербеана, ветер немного стих. Здесь они сменили лыжные ботинки на туфли и оставили снаряжение в таверенке у остановки, откуда их смогут потом забрать родственники.

Подождал автобус. Хакобо взобрался по лесенке, чтобы закрепить чемоданы на крыше, затем братья заняли места на заднем сиденье. Водитель запустил мотор и сообщил, что через пять минут они отправляются.

В это время года жители долины почти никуда не ездили, и пассажиров было немного. Отогревшийся Хакобо закрыл глаза, решив вздремнуть. Внутри было не так уж жарко, но терпимо – не то что в первую поездку с отцом, когда пришлось преодолевать весь путь верхом.

Килиан рассматривал через окно унылый пейзаж, по большей части в белом монохроме, изредка прерываемом серыми скалами, когда они проезжали через туннели. Дорогу он знал: она вела к Бармону, центру провинции, что в семидесяти километрах от Пасолобино. Дальше Бармона двадцатичетырехлетний Килиан еще ни разу не выбирался. Кое-кому из друзей детства повезло так сильно заболеть, что их возили к специалистам в региональные больницы, но сам он рос здоровым как бык. Новости из внешнего мира приносили торговцы из разных мест. У них можно было купить мебель, ткани, свечи, масло, соль, вино, инструменты и подарки для деревенских родственников. Все эти вещи говорили о том, что существует целый мир по ту сторону гор. Об этом мире говорили также картинки в учебниках по истории и географии, а красок добавляли дикторы «Парис интернациональ» или революционного «Радио Пиренеев». Но так, чтобы увидеть его своими глазами, – об этом он мог только мечтать.

Хакобо проснулся, когда они проехали Бармон. Автобус к тому времени набился, но он, казалось, не слышал ни истошного плача младенца на руках у матери, ни кудахтанья кур в картонных коробках. Килиана всегда поражало умение брата спать в любых условиях и в любое время суток. Хакобо мог проснуться, немного поболтать, выкурить сигарету и снова заснуть. Брат считал сон хорошим способом сберечь силы, но Килиан был не против того, что им не пришлось разговаривать, – после прощания с Пасолобино он был рад погрузиться в себя.

В одно из пробуждений Хакобо обнял его за плечи и притянул к себе.

– Выше нос, братишка! Пара стаканчиков в «Амбос Мундос» живенько поднимет тебе настроение. Подходящее название для питейного заведения, да¹?

«Да уж, два мира», – подумал Килиан.

Несколько часов спустя они наконец прибыли в большой город. В Сарагосе снега не было, но завывал ледяной ветер, как и в горах. Несмотря на холод, на улицах было полно людей: мужчины в шерстяных пальто, придерживавшие шляпы руками, женщины, прижимавшие сумки к груди. Хакобо привел Килиана в хостел, узкое многоэтажное здание на Пласа-де-Эспанья:

¹ Ambos Mundos (исп.) – два мира. – *Здесь и далее примеч. ред.*

здесь они с Антоном обычно останавливались, когда проезжали через город. Братья оставили чемоданы в снятой комнатухе и спустились выпить.

Сперва они прогулялись по улочкам старого города – Эль-Тубо, где посетили базилику Нуэстра-сеньора-де-Пилар, чтобы попросить Богоматерь об удачном путешествии. Затем съели жареного кальмара в переполненном баре и там же прибегли к услугам чистильщика. Чувствуя себя франтами в начищенных до блеска ботинках, прогулялись по мощеным улицам в уже поредевшей толпе. Они постоянно останавливались, чтобы Килиан мог насмотреться на трамваи, автомобили и здания высотой в восемь этажей и выше.

– Мы ведем себя как два деревенских дурня! – смеялся Хакобо. – Что будет, когда до Мадрида доберемся?

Килиан задавал множество вопросов, и Хакобо был рад побыть для него гидом. Он прекрасно помнил свое состояние в первое путешествие.

– Видишь вон ту машину? – Он указал на элегантное черное авто с блестящей решеткой радиатора и круглыми фарами. – Это новый «Пежо-203 седан», их используют таксисты. А вон та – «Астер-Эф-Икс 3», отличная машина. А вот эта – «Ситроен 11 СВ седан», еще ее называют «уточка». Нравится?

Килиан рассеянно кивнул, увлеченный рассматриванием величественных зданий Испано-американского банка, «Ла Уньон» и «Феникс Эспаньол», с квадратными и круглыми окнами, колоннами у входа, вычурными фронтонами и коваными балкончиками.

Под конец прогулки они решили заглянуть в кафе, подсвеченная вывеска которого гласила, что заведение – одно из самых грандиозных в Европе. Килиан прошел черед двойные двери вслед за братом и застыл. Перед ним была широченная лестница, ведущая в зал, заполненный музыкой, голосами и табачным дымом. Вдоль галереи второго этажа пробежали тонкие перила. В памяти всплыла сцена из фильма, который он видел однажды в Бармоне. Там молодой человек поднимался по такой же лестнице, перекинув через руку плащ и держа в другой сигарету. Сердце Килиана забилося чаще: обстановка казалась слишком изысканной. Как и публика. Элегантные платья с вырезом и бантами, короткие и светлые, отлично подогнанные по фигуре, не шли ни в какое сравнение с длинными юбками и мешковатыми жакетами деревенских женщин. На мужчинах белые рубашки и тонкие черные галстуки. Впрочем, и Килиан был в такой же рубашке, что не могло не подбодрить. Кто здесь скажет, что он с малолетства разгребал навоз в хлеву?

Хакобо приветственно махнул кому-то в дальнем углу, и Килиан увидел мужчину, жестом приглашающего их за столик.

– Невероятно! Вот так встреча! – воскликнул брат. – Сейчас я вас познакомлю!

Они лавировали между столиками. Народу было не продохнуть. Мужчины курили «Кемэл» и «Бизонте», пили бренди или анисовую водку, а женщины – шампанское или мартини-бьянко. На площадке перед оркестром танцевали пары. Ничего подобного ни в Пасолобино, ни в окрестностях не было. Летом они танцевали на площади, а зимой собирались у кого-нибудь в гостиной, куда приносили стулья и ставили вдоль стен, чтобы хватало места. Девушки сидели, пока парни не приглашали их, или танцевали друг с другом. Старомодные пасадобли, вальсы и танго под аккомпанемент аккордеона, гитары и скрипки конечно же не шли ни в какое сравнение со здешними зажигательными плясками.

В нескольких шагах до столика Хакобо остановился и прошептал:

– Вот что, Килиан: на людях мы не говорим на нашем диалекте. Только когда одни. Я не хочу казаться деревенщиной. Понял?

Килиан согласился, хотя понимал, что будет непросто. А Хакобо уже сердечно пожимал руку незнакомцу.

– Что ты тут делаешь? Ты же должен быть в Мадриде!

– Садитесь, расскажу. – Мужчина указал на Килиана. – А это, стало быть, твой брат?

– Килиан, это Мануэль Руис, светило медицины, которого за каким-то чертом отправили в Гвинею, – засмеялся Хакобо, и мужчина улыбнулся. – А это мой брат Килиан, который пока не знает, чем ему заняться.

Они пожали друг другу руки и опустили на полукруглый кожаный диванчик, Хакобо сел на стул с резной спинкой. Певец в коротком сером пиджачке затянул известную песню Антонио Мачина «Черный ангел», и зал разразился аплодисментами.

– В Мадриде такого нет? – пошутил Хакобо.

– Да полно, на каждом углу и вдвое больше. Но я приехал подписать бумаги. Мне предложили удачный контракт в Сампаке.

– Да это же здорово! Дамасо слишком стар для такой работы.

– Но я не такой опытный, как он.

– Но и он не со всем справлялся. Ты когда отбываешь?

– Еду в Мадрид завтра. Мне взяли билет на четверг на...

– ...«Сиудад де Севилья»! – произнесли они хором и рассмеялись.

– Отлично. Мы тоже плывем на нем! – Хакобо понял, что брат выпал из их беседы и обратился к нему: – Мануэль работает в больнице Санта-Исабель. Он будет в полном нашем распоряжении все время. За это стоит выпить! – Он повертел головой в поисках официанта. – Ты уже ужинал? – обратился он к приятелю.

– Нет еще. Здесь, кстати, есть трупялы².

– А, трупялы! – хмыкнул Хакобо.

Килиан догадался, что это слово как-то связано с меню.

Певец допел последние строчки – о художнике, который не может вспомнить черного ангела, которого недавно нарисовал на стене церкви. Его проводили овациями; пианист заиграл джазовую композицию – такую быструю, что всего несколько пар отважились выйти на танцпол.

– Обожаю буги-вуги! – Хакобо прищелкнул пальцами и повел плечами. – Жаль, потанцевать тут не с кем. – Он обвел взглядом зал и помахал стайке девушек, ответивших хихиканием, но не подошел к ним. – Ну, ничего, скоро я смогу удовлетворить свои желания сполна.

Килиан танцевать не любил, однако заметил, что неосознанно отбивает ритм ногой.

Официант принес заказ. Лишь посмотрев в тарелку, Килиан осознал, насколько проголодался: жареный кальмар давно уже переварился. Засомневался было, смогут ли копченый лосось, канапе с икрой, охлажденные цыплята-корнишоны (те самые трупялы) и говядина, фаршированная трюфелями, наполнить его желудок: он привык к более грубой пище. Но еда оказалась вкусная, и особенно под хорошее вино. После ужина Хакобо заказал джин, поскольку даже в «самом большом в Европе заведении» не подают его любимый виски, а Мануэль и Килиан ограничились бренди «соль и сомбра».

– Килиан, – обратился к нему Мануэль, – как ощущения в начале путешествия? Волнуешься?

Килиану врач пришелся по душе. Ему было около тридцати, среднего роста, худощавый, светловолосый и светлокожий, умные голубые глаза прятались за стеклами очков в роговой оправе. Его манера разговора подсказывала, что он человек серьезный и образованный, но после пары бокалов он стал более открытым и приветливым.

– Немного, – признался Килиан. Ему не хотелось говорить, насколько ему страшно. И как-то все быстро произошло: еще вчера ухаживал за скотом, а сегодня пьет бренди в компании дипломированного врача в роскошном заведении. – Но я рад оказаться в такой приятной компании.

² Небольшие птицы; употребляются в пищу.

– Расслабься, Килиан! – Хакобо хлопнул брата по спине. – Это твой ум тебя запугивает. Мы все через это прошли. Верно, Мануэль?

– В мою первую поездку уже в Бате я готов был повернуть назад, – подтвердил Мануэль, потягивая напиток. – Но в следующий раз я чувствовал себя так, будто всю жизнь езжу в Фернандо-По. – Он сделал паузу и добавил: – Ты привыкнешь к этому. Как и к чертовым москитам. Сам увидишь.

Спустя три часа, изрядно выпив и накурившись сигарет из красной жестянки «Кравен А», которые после крепкого домашнего табака показались Килиану слишком легкими, братья попрощались с Мануэлем и нетвердой походкой побрели в хостел. На Пласа-де-Эспанья они перешли трамвайные пути, и Хакобо побежал вниз по ступенькам в общественный туалет. Килиан дожидался его, опираясь на стальные перила. Неоновая подсветка террас на крышах помогала мощным четырехламповым фонарям разгонять мрак вокруг фонтана с бронзовой статуей на каменном пьедестале в центре. Под крестом ангел поддерживал раненого мужчину, который не в силах был дотянуться до выпавшего из его рук оружия. Памятник был посвящен погибшим за веру и родину. Килиан поднял глаза к небесам, собираясь вознести молитву, но вместо этого стал читать неоновые надписи: «Аве-крем», «Галина Бланка», «Радио Иберия», «Лонгинес – лучше наручные часы», «Диспак», «Филлипс»... Он попытался мыслить ясно, но почувствовал дурноту, и причина была не только в алкоголе. Он покинул свой дом этим утром, а как будто прошла уже вечность, и путешествие предстояло долгое. Едва справившись с собой, обратил взгляд к каменному ангелу и попросил удачи и сил.

– Ну, Килиан, – голос Хакобо прозвучал неожиданно, – как тебе первая ночь вдали от мамы? – Он оперся на плечо брата, и они продолжили путь. – Много нового узнал, да? То, что ты видел в «Амбос Мундос», и в сравнение не идет с тем, что будет дальше... Ты, кстати, не об этом думал?

– Вроде того...

Хакобо поднес руку ко лбу.

– Жду не дождусь, когда смогу выпить виски в Санта-Исабель! От виски не бывает похмелья. Сам увидишь... У тебя обезболивающего не найдется?

Килиан помотал головой, и брат похлопал его по спине.

– Скажи, что ты больше всего хочешь увидеть?

– Наверное, море, – ответил Килиан после паузы. – Никогда его раньше не видел.

Хотя это было первое морское путешествие Килиана, морской болезни у него не случилось, и это при том, что многие пассажиры бродили по палубе с зелеными лицами. Хакобо уже в третий раз был на борту «Сиудад де Севилья», но тоже чувствовал себя не лучшим образом.

Килиан не понимал, как такая махина может плыть, потому что его общение с большой водой ограничивалось ловлей форели в горных речках возле Пасолобино. Он думал о матери и сестре, об их жизни в деревне. В Сарагосе и дальше – по дороге в Мадрид его преследовал холод, но чем ближе они подъезжали к Кадису, где был порт, тем больше разогревался воздух. Когда судно отчалило под взмахи белых платочков, Килиан почувствовал приступ грусти, однако Хакобо и Мануэль вернули ему присутствие духа. Путешествие Килиану, в целом, нравилось, разве что он еще ни разу в жизни столько не бездельничал. Всегда энергичный, он уже скучал по физическому труду. Этим он отличался от брата, всегда искавшего возможность полентайничать.

Он обернулся и посмотрел на Хакобо, развалившегося в удобном шезлонге со шляпой на лице. С того времени, как они покинули Кадис, и далее – после Тенерифе, Хакобо только и делал, что отсыпался днем и веселился ночью на вечеринках в баре «Веранда». Во время приступов морской болезни он чувствовал себя подавленным. Сам Килиан пытался извлечь из путешествия максимум пользы. Ежедневно, помимо практики корявого английского со сло-

варем, он читал колонки в журнале «Ла Гвинея Эспаньола», чтобы узнать побольше о мире, в котором ему предстоит жить. Контракт был заключен на два года, но последние полгода, пусть и оплачиваемые, считались отпуском. Срок контракта исчислялся с момента отбытия из Кадиса, так что у него была еще пара оплачиваемых недель, которые он с удовольствием решил потратить на чтение в расслабленной обстановке.

Во всех номерах журнала – а они были прошлогодние, за 1952-й, – размещались одни и те же объявления. Первым делом – от магазина «Дамбо» на улице Сакраменто в Санта-Исабель, за ним – от «Транспортес Унидос» на Авенида Хенераль Мола, «Транспортес» предлагал ремонт и техобслуживание в одной «фактории» (так называли в колониях магазины). Усатый мужчина рекламировал «великолепный табак “Румбо”», надпись крупным шрифтом гласила: «Сигареты помогают думать». Хакобо рассказывал Килиану, что в колонии почти все курили, чтобы разогнать москитов, и табак там стоил дешево. Затем шли статьи на религиозные темы, новости из Европы и авторские колонки.

Килиан раскурил сигарету и сосредоточился: его увлекла статья о детях, крещенных в 1864–1868 годах. Занятыми показались имена: Педро Мария Нгади, Хосе Мария Гонголо, Филомена Мапула, Мариано Игнасио Балонга, Антонио Мария Эбомо, Лоренцо Эбама, – первые были обычными, а вторые, похоже, африканские.

Потом он переключился на статью о пяти миллионах немецких детей, оставшихся сиротами в 1945-м. Какой же далекой представлялась война! Он вспомнил письма отца, которые мать всегда читала вслух, а потом бережно прятала в карман юбки. Отец, живший на острове, описывал тревожные настроения в обществе – все боялись захвата со стороны Британии или Франции. Он писал, что в окружении губернатора встречаются сторонники нацистов, а в обществе – сторонники союзников. Было время, когда открыто продавались немецкие газеты с подстрочником на испанском. Гражданская война и война в Европе уже давно закончились, но, судя по тому, что теперь читал Килиан, политический конфликт в Африке не утих окончательно.

Одна из статей рассказывала о запрещении деятельности кенийского религиозного движения мау-мау и их лидера Йомо Кеньята, потому что они выступали за уменьшение влияния европейцев и возвращение к языческим корням. Килиан задумался. Изгнать европейцев из Африки? Но не они ли принесли цивилизацию в дикие земли? Не стала ли жизнь африканцев лучше? Подобные вопросы были выше его понимания. Все, что он знал о Черном континенте, ограничивалось рассказами старшего поколения, которое гордилось тем, что служило Богу и стране; ему сотни раз внушали, что работа в колониях подразумевает служение Господу и испанской нации. Испанцы в Африке свершают благое дело, не забывая набивать и свои карманы.

И все же Килиану было непонятно, как относиться к людям, совершенно не похожим на него самого. Единственный чернокожий, которого он пока что видел, работал в баре на корабле. При первой встрече Килиан беззастенчиво пялился на него, пытаясь найти существенные различия, помимо темной кожи и ослепительно-белых зубов, но так и не преуспел. А по прошествии дней стал воспринимать парня как просто «официанта Эладио».

Постепенно стало ясно, что услышанные им ранее истории были далеки от реальности. Отец с братом отзывались о местных жителях как о безликой массе «цветных», и только Хосе был исключением. Килиан вспомнил открытку с четырьмя полуобнаженными чернокожими женщинами, которую Антон прислал Хакобо. Приписка чернилами гласила: «Смотри, какие здесь женщины. Вот так они ходят по улицам». Килиану женщины показались привлекательными. Они носили «клоте», отрезки ткани, обернутые вокруг тела наподобие юбок, доходящих до щиколоток. Сверху же они были обнажены, и лишь носили ожерелья и тонкие браслеты. И у всех была разная грудь: высокая и упругая, маленькая, пышная... Изящные фигуры и красивые лица, полные губы и огромные глаза, а волосы заплетены в мелкие косички. Снимок был

замечательный, хотя казался странным выбором для открытки. На открытках обычно изображаются памятники, городские достопримечательности и пейзажи, элегантно одетые люди. Но не обнаженные женщины... Для чего была сделала эта фотография? У Килиан тогда возникло странное ощущение, что женщин на карточке изучают, как необычных насекомых. Что он сам их так рассматривает. В журнале, который он сейчас держал в руках, тоже было много фотографий. На одной были изображены чернокожие мужчины, одетые по европейской моде, в костюмы и шляпы. Ничего особенного, в отличие от подписи: «На Рождество жители деревень и фермеры одеваются на заморский лад». Это звучало странно, потому что отец рассказывал, что местные жители на праздники надевают «наньге», нечто похожее на клоунский наряд, чтобы веселить людей. Килиан представлял аборигенов в масках и соломенных костюмах, но никак не в европейской одежде.

– Надеюсь, скоро мы сможем летать туда на самолете, – ворвался в его мысли голос Хакобо. – Я больше этого не вынесу.

– Если б ты столько не пил накануне, – улыбнулся Килиан, – возможно, морская болезнь так бы тебя не мучила.

– Тогда дни были бы длиннее и скучнее... А что Мануэль?

– Пошел в кино.

Хакобо решил составить брату компанию, убрал шляпу и взглянул на журнал.

– Есть там что-то интересное для меня?

Каждый день повторялось одно и то же. Килиан и Мануэль читали, пока Хакобо спал, потом Килиан рассказывал о прочитанном.

– Как раз собирался почитать про буби, ведь именно они изначально населяли остров, может, ты...

– Пустая трата времени! – перебил Хакобо. – Тебе не нужно знать язык буби для работы. Большинство местных говорит по-испански, а еще ты будешь постоянно вращаться среди нигерийских работников. Так что лучше поучи пиджин – вот он будет требоваться на каждом шагу³.

На столе лежала потрепанная книжка в кожаном переплете, написанная священником из ордена сыновей Пренепорочного сердца Девы Марии, изданная в 1919 году. Надпись на обложке гласила: «Англо-африканский диалект, или “Ломаный английский”». Килиан пытался запомнить несколько фраз, но это было трудно, потому что он ни разу их не слышал. В самой книге каждое испанское слово имело перевод на африканский английский – пиджин или «пичи», как его называли испанцы, – и его транскрипция.

– Не понимаю, почему слово пишется так, а произносится – эдак. Это же лишняя работа.

– Забудь о написании. Ты же не будешь писать нигерийцам письма! Запоминай произношение, – Хакобо взял книгу и ручку брата с золоченым колпачком. – Гляди. Первое, что нужно запомнить, – основные вопросы, смотри, вот здесь. – Он выделил страницу. – Дальше будешь учить фразы, которые услышишь. – Он захлопнул книгу и вернул ее на стол. – Тебе будут постоянно говорить, что они больны, не могут работать, не знают, что и как делать, что им жарко, что дождь льет... – Брат откинулся на спинку стула, закинув руки за голову, и вздохнул: – Черные всегда ищут повод не работать. Прямо как дети. Сам увидишь!

Килиан усмехнулся: Хакобо как будто про себя говорил. Взял книгу и принялся просматривать фразы, которые отметил брат. Те привели его в замешательство: «я тебе покажу», «работай», «иди», «заткнись», «мне плохо», «не понимаю», «если сломаешь, я тебя побью». И это ему придется говорить? Он отказывался верить, что за все это время Хакобо ни разу нор-

³ Пиджин – упрощенный язык, который используется как средство общения между людьми, говорящими на неродственных и взаимно непонятных языках.

мально не поговорил с рабочими. Впрочем, ничего удивительного: все истории, рассказанные братом, крутились вокруг клубов и баров в Санта-Исабель.

Хакобо вновь надвинул шляпу на глаза, собираясь продолжить свою бесконечную сиесту.

– Хакобо?

– Мм?

– Ты много лет провел на острове. Что ты знаешь о его истории?

– То же, что и все: это процветающая колония, где можно хорошо заработать.

– Да, но... кто там был до нас?

– Англичане, португальцы... Откуда я знаю?

– Да... но раньше-то он принадлежал аборигенам...

– А, этим дикарям! – хмыкнул Хакобо. – Им повезло, что мы пришли. А то так бы и жили в джунглях. Спроси у отца: он проводил им электричество.

– Ну, и в Пасолобино его не так давно провели, – продолжал Килиан задумчиво. – И во многих испанских деревнях дети рады сухому молоку и американскому консервированному сыру. Это не лучший пример прогресса. Посмотри на фотографии отца в детстве. Невозможно поверить, что они так жили!

– Если тебя так интересует история, поищи книги в офисе на плантации. Но, помани мое слово, ты будешь так уставать, что не сможешь их читать, – Хакобо откинулся в кресле и вновь накрыл лицо шляпой. – И, если тебя не затруднит, дай мне поспать.

Килиан смотрел на море, плоское, как доска, – как раз таким он его описал в письмах Каталине и Марианне. Солнце посылало последние лучи от края горизонта, скоро его поглотит морская пучина. В горах солнце само пряталось в сумерках, здесь же море затягивало его в себя. Килиану никогда не надоедало наблюдать роскошные закаты в открытом море, но уже хотелось ступить на твердую землю. Ночь они провели в порту Монровии, столице Либерии, чтобы разгрузить и загрузить товары, но пассажирам сойти на берег не удалось. Местное побережье выглядело однообразно: заросли акаций и мангров, длинная полоса песчаных пляжей с несколькими деревеньками. Здесь жили кру – «лучшие работники», по словам попутчиков-галисийцев: «Они похожи на астурийцев или на нас, галисийцев, в работе им равных нет». Килиан вспомнил рассказы отца о том, как местные жители подплывали на своих каноэ к судам из Европы и предлагали самые разные услуги. Якобы у каждого аборигена было по два-три десятка «жен». Скорее всего это была выдумка, но она вызывала улыбки на лицах белых мужчин, представлявших, как можно удовлетворить столько женщин сразу⁴.

Каждый вечер после ужина пассажиры собирались на палубе, прогуливались и разговаривали. Вдалеке Килиан заметил племянника губернатора с семьей, возвращающегося из Мадрида в Гвинею после долгого пребывания в Испании. В паре метров от него компания мужчин играла в карты. Они тут все давно перезнакомились. Килиан улыбнулся, вспоминая, как неловко себя чувствовал, когда увидел столь большое разнообразие приборов в столовой. Но постепенно он привык, а с ленивым течением дней ушла и нервозность. Не о чем беспокоиться.

Он закрыл глаза и подставил лицо бризу. Еще одна ночь! Килиан мысленно устремился к родному дому, попытался представить, чем занимаются мать и сестра. Мысли его текли на родном наречии. На корабле он говорил по-испански и слышал много английского, немецкого и французского. Иногда он думал, не является ли язык буби для местного населения тем же, что диалект Пасолобино – для него самого. Ему было интересно, будет ли кто-то спустя время изучать не только историю «большой» Испании, но и прекрасный уголок в Пиренеях, где он вырос. И он хотел узнать как можно больше о мире, в который направлялся. Об истории острова, мужчин и женщин с фотографий. Настоящую историю... Если что-то от нее еще осталось.

⁴ Кру – группа родственных народов, населяющих прибрежную часть Либерии.

Судно подошло к Бате, главному порту в Рио-Муни, как называлась континентальная часть Испанской Гвинеи. Когда Килиан заметил отца, стоявшего на причале в пробковом шлеме, шортах и непривычно яркой рубашке, он сам изнемогал от жары. На берегу все утопало в зелени тропического леса. Остальное казалось декорацией – огромные корабли в порту, низкие здания, муравьи-люди, носившие туда-сюда грузы... Это было невероятно... Наконец они прибыли!

– Ну, что думаешь, Килиан? – спросил брат.

Вместе с Мануэлем они стояли, поджидая, пока спустят трап. Вокруг суетились люди, стоял гомон на всевозможных языках. Килиан наблюдал за происходящим, едва ли не открыв рот.

– Его замкнуло! – засмеялся Мануэль, ткнув Хакобо.

– Видишь черных? – обратился к брату Хакобо. – Они все одинаковые! Первые два-три месяца ты не сможешь отличить их друг от друга, как овец.

Мануэль нахмурился, но Килиан пропустил фразу мимо ушей: его полностью поглотила картина, расстилавшаяся перед глазами.

– А вон папа! – воскликнул он и первым поспешил на берег.

Первые несколько минут заполнили приветствия, объятия и неизбежные вопросы. Килиан уже два года не видел отца и решил, что тот выглядит неважно. Загорелое лицо прорезали глубокие морщины, искажая крупные, но правильные черты. Он казался усталым и постоянно потирал живот, будто тот болел.

Антону не терпелось узнать, как идут дела в деревне, он расспрашивал о своем брате – тоже Хакобо, о родственниках и соседях, но вопросы о жене и дочери приберег напоследок. Когда он спросил про Марианну, от Килиана не ускользнула скорбь в его глазах. Объяснений тут не требовалось. Контракты были долгими, но вдвойне долгими для семейного мужчины, который обожал свою жену. Помолчав с минуту, Антон посмотрел на Килиана и протянул руку.

– Ну что ж, сынок, добро пожаловать на родину. Надеюсь, ты будешь здесь счастлив.

Килиан улыбнулся и повернулся к Мануэлю.

– Ты, наверное, не знаешь, что мы с Хакобо родились здесь. Но потом мама заболела, и нам пришлось вернуться.

Мануэль кивнул. Немногие могли переносить тропическую жару и влажность.

– Да, я тут родился, но совершенно ничего не помню об этом месте, – вздохнул Килиан.

– Мама сюда больше не возвращалась, – продолжил Хакобо. – А отец – он оставлял дома семью и возвращался в тропики. Других своих детей он мог увидеть только через два года – столько длится контракт. Но из шести детей выжили только трое, мы и наша сестра.

Килиан нервным жестом предупредил брата, что отцу не стоит это слышать, но тот был поглощен своими мыслями. Антон не мог не заметить, как изменился Килиан. Стал выше, более худощавый, чем Хакобо. Уже не мальчик, а мужчина. Как же быстро пролетело время со дня его рождения! Двадцать четыре года спустя сын вернулся туда, где появился на свет.

Сперва Антон был не в восторге от решения Килиана вместе с братом приехать в Африку: мысль о том, что Марианна и Каталина теперь в одиночку будут вести хозяйство, причиняла ему боль. Но Килиан умел быть настойчивым, он убедил его, что лишнее денежное вливание семье не помешает. Потому Антон и решился спросить владельцев плантации, найдется ли работа для младшего сына. Нашлась. Они даже помогли ускорить оформление бумаг, чтобы парень смог прибыть уже в январе, до сбора урожая. У Килиана будет несколько месяцев в запасе, чтобы обжиться на новом месте и подготовиться к горячей поре – обжарке какао, – которая начиналась в августе.

Антон повел их в другую часть пристани. Им еще предстояло путешествие из Баты на остров.

– Похоже, судно в Санта-Исабель готовится поднять якорь, – сказал Хакобо и обратился к отцу: – Я, конечно, рад, что ты решил нас встретить и лично проводить на остров. Но ты, наверное, думал, что я не довезу Килиана целым и невредимым?

Антон улыбнулся, что было для него редкостью, и только Хакобо знал, как этого добиться.

– Я надеялся, что за время путешествия ты хоть немного введешь брата в курс дела. Но, насколько я вижу по тебе, ты больше времени проводил эм-м... в музыкальной гостиной.

– О нет, отец, ты не прав. У меня еще не было учителей лучше, чем Хакобо и Мануэль, – вступился за брата Килиан. – Ты бы слышал, как Хакобо учил меня пичи. Я теперь свободно на нем говорю!

Все четверо рассмеялись. Антон был рад сыновьям; их молодость заставит его забыть о том, что он сам начинает сдавать. Он с гордостью окинул их взглядом. Внешне парни очень походили на него – такие же зеленоглазые, как все в семействе Рабалтуэ. Оба сына унаследовали высокий лоб, высокие скулы, широкий длинный нос, уверенно очерченный подбородок, хотя у Хакобо черты были более грубыми. У обоих густые темные волосы, хотя у Килиана они отливали медью. Его мальчики были высокими, с широкими плечами и сильными руками (у Хакобо из-за тяжелой работы руки были сильнее и больше). Антон знал, какое впечатление старший сын производит на женщин, но всего лишь потому, что красотки еще не видели младшего: его черты были идеальными, и внешне он очень походил на Марианну в молодости... А вот характер у братьев был совершенно разный. В то время как Хакобо предпочитал развлекаться в компании, когда был свободен от работы, Килиан рос ответственным, порой даже слишком. Когда-то Антон мечтал, чтобы его сыновья выросли работящими и правильными, и выходки Хакобо иногда раздражали его. Но получалось, что братья дополняли друг друга, а в местных краях это было очень ценно.

В короткой поездке на остров из Ваты Антон почти не умолкал. Когда иссякли истории о путешествии братьев и шутки о непрекращающейся морской болезни Хакобо, Антон рассказал, как по пути из Тенерифе в Монровию их застиг ужасный шторм. Он так впервые отправился в колонию без Марианны.

– Вода повсюду, чемоданы в каютах плавали! А сам – то взлетаешь в воздух, то тонешь. Три дня мы все жили без еды, ни одной целой вещи не осталось. В порту Санта-Исабель нас уже и не ждали – думали, что мы погибли. – Он повернулся к ошарашенному Хакобо. – Вот тогда я впервые перепугался, сынок, да. Это был не страх – ужас! Взрослые мужчины рыдали, как дети!

– Не помню, чтобы ты нам об этом писал, – покачал головой Килиан. – Почему?

– Не хотел вас расстраивать, – пожал плечами Антон. – Думаешь, мать отпустила бы вас, знай она о таком? Мой друг Хосе говорит, что страх вообще невозможно описать, и если он овладел тобой, так просто от него не избавиться.

– Клянусь, – Хакобо положил руку на грудь, – никогда больше не буду жаловаться на морскую болезнь, у нас с Килианом было просто чудесное путешествие.

Килиан покосился на отца: что-то с ним было не так. Эта разговорчивость... Он отметил в тоне отца горечь. Или это был страх? И он так странно повел рукой... Никогда такого не замечал раньше.

– Папа, с тобой все хорошо?

– Все хорошо, сынок, – кивнул Антон. – Прошедший год выдался немного сложнее, чем я ожидал. – Он явно стремился сменить тему. – Из-за туманов урожай выдался не очень. Пришлось работать больше.

Килиан хотел еще спросить – о здоровье, но отец обратился к Хакобо:

– Привез свидетельство о рождении?

– Да.

– Полицейское свидетельство и свидетельство о безупречном поведении?

– Да.

– Военный билет?

– Конечно. И справку о прививке от туберкулеза с официальной печатью, и диплом о том, что умею читать и писать... Пап, ради всего святого! Ты мне пять раз уже об этом напомнил!

– Ну, ладно, ладно. Но помни, что тебя могут отправить домой из-за несоответствия требованиям. Ты сделал прививку от желтой лихорадки?

– Да, папа. Прямо на борту. И у меня есть справка. Еще что-нибудь?

– Ну... надеюсь, ты не забыл. – Отец старался казаться строгим, однако его глаза блеснули. – Ты привез то, о чем я просил маму?

– Конечно, – вступил Килиан. – Чемодан Хакобо забит хамоном, чоризо, орехами, консервированными персиками и, конечно, маминой выпечкой. А еще мы возьмем длиннущее письмо от нее, которое она запечатала при мне семью печатями, чтобы никто больше не смог его вскрыть.

– Отлично.

Оставшуюся часть пути все молчали. Мечтали поскорее добраться до места, и даже Килиан уже не испытывал детского воодушевления, что овладело им поначалу. Что до Хакобо, он знал: чувство новизны скоро улетучится, все сведется к работе на плантации, ожиданию выплат, вечеринкам в городе и стремлению поскорее вернуться домой, чтобы отдохнуть, – и так по кругу, от контракта до контракта. И все же, когда судно повернуло к порту, он не сдержал улыбки:

– Эй, Килиан, мы подходим к бухте Санта-Исабель. Не пропусти самого интересного. – Его глаза сверкнули. – Не важно, понравится тебе здесь или нет, останешься ты на два года или на двадцать, влюбишься в остров или возненавидишь его, – смотри во все глаза – этот образ никогда не сотрется у тебя из памяти. Никогда!

Глава 3

Зеленый остров

И правда, прибытие на Фернандо-По навсегда врезалось в память Килиана. Когда судно подходило к острову, он разглядел пляжи, омываемые бирюзовыми волнами, и бухточки, где буйная растительность подступала к песку. Столько оттенков зеленого он еще никогда не видел – начиная от бледной, нежной зелени первых побегов и молодых плодов до глубокого, насыщенного цвета джунглей. Странное чувство посетило его – чувство покоя и свежести, и в то же время – силы, исходящей от плодородной земли.

Гавань Санта-Исабель напоминала зеленую подкову с белыми пятнышками домов среди пальм. Килиан уже знал, что район к востоку от гавани называется Пунта-Фернанда, а к западу – Пунта-Кристина. Живописный пик вдаль, укутанный туманом, живо напомнил ему вершину, господствующую над Пасолобино.

– Нас высажат вон туда! – показал на небольшой бетонный причал Хакобо. – Я слышал, что в Пунта-Кристина собираются строить порт. Здорово, потому что здесь не очень удобно.

К судну подошло несколько лодчонок, чтобы забрать пассажиров и груз. Аромат какао и кофе, гардении и жасмина смешивался с запахом селитры и еще чего-то незнакомого.

– Какая жара! – пожаловался Килиан, стирая капельки пота со лба. – И сколько здесь зелени!

– Ага, – подтвердил Хакобо. – Если воткнешь в землю палку – она прорастет.

На причале темнокожие мужчины переносили на плечах мешки с углем, ящики и корзины. Легко было представить, какой хаос здесь творится во время сбора урожая, когда для погрузки привозили сотни и сотни мешков с кофе и какао.

– Хосе будет ждать нас вон там, – сообщил Антон, кивком показав на тропинку вдоль стены, за которой виднелись крыши домов. Он забрал у Килиана чемодан и крикнул в никуда: – Эй, вы! Сюда!

Кто-то из темнокожих повернулся в их сторону.

– Не слышали, что я сказал? – Антон повысил голос, направился к ним и передал вещи Килиана, затем указал на багаж Хакобо и Мануэля: – Ну, берите!

Мужчины подчинились, выбрали чемоданы и сумки и вслед за белым проводником стали подниматься по узкому крутому склону, соединяющему пристань с Пласа-де-Эспанья.

– Килиан, а ты знаешь, что этот склон называется «дорогой лихорадки»? – сказал Антон.

– Нет. Почему?

– Говорят, что все, кто на него взбирается, заболевают. Вот сам увидишь.

– Благодаря медицине это уже не так, – вставил Хакобо. – Но еще век назад все, кто приезжал сюда, умирали. Правда, Мануэль? – Мануэль кивнул. – Потому-то сюда отправляли так много экспедиций. Людей не хватало, никто не мог противостоять болезни.

Килиан вздрогнул. Как хорошо, что он родился не в те времена.

– Я сам не видел, но, говорят, лет десять назад тут ходила вагонетка. Правда, Антон? – поинтересовался Мануэль.

– Было такое дело. – ответил Антон, остановившись, чтобы перевести дух. – На вагонетке возили грузы в порт.

Дорогу начали строить в тринадцатом году, чтобы соединить Санта-Исабель с Сан-Карлосом на юго-востоке. Но четверть века назад от идеи отказались – слишком высокие затраты на обслуживание путей в девственных лесах, а вагонетка часто ломалась.

Килиан улыбнулся, живо представив, как игрушечный поезд пересекает крошечный остров: Фернандо-По был длиной в семьдесят километров, а шириной в тридцать.

Склон был довольно крутым, но для привычного к хождению по горам человека – ничего особенного, да и багаж нести не пришлось. Тем не менее отец, которого Килиан помнил выносливым и сильным, запыхался. Вдоль стены, заросшей плющом и *эбомбегомбе*, белыми цветами, прятавшимися среди больших красных, желтых и зеленых листьев, они добрались до вершины. Перед ними, подобно балкону, выходящему к морю, расстиралась обширная эспланада с балюстрадой по краю и стильными фонарями. В самом центре эспланады, окруженные ухоженными клумбами, возвышались особняки в колониальном стиле с балконами и остроконечными крышами.

Килиан с восхищением осмотрелся.

– Это католическая миссия, Ла Каталана, – объяснял Хакобо, показывая на самое красивое здание. – На верхнем этаже там есть бар, потом ты сможешь его исследовать. Слева – собор, вижу, он привел тебя в восторг. Нет, – оборвал он сам себя, – экскурсию мы оставим на потом. Не волнуйся, ты часто будешь навещать Санта-Исабель.

Килиан не ответил. Светлые особняки были так не похожи на мрачные каменные дома Пасолобино. Его восторженный взгляд блуждал от здания к зданию, от человека к человеку, от белых полотняных костюмов к пестрым нарядам темнокожих.

– А вон и Хосе! – сообщил Антон, беря сына за локоть. – Ох ты боже мой! Да он взял новую машину! Ну что же, пойдёмте. Надо успеть на плантацию до ужина, чтобы познакомиться с управляющим.

Рядом с сияющим черным «мерседесом» стоял улыбающийся чернокожий мужчина, это и был Хосе. О нем Килиан наслушался историй еще дома, в поместье Рабалтуэ.

– Хосе, знакомься, это мой сын, Килиан. Не знаю, знаком ли ты с Мануэлем. Он врач.

Мужчина широко улыбнулся, обнажив белоснежные зубы в кольце седоватой бородки. Он превосходно говорил по-испански, но с необычным акцентом, иногда грассируя и ставя ударение на последний слог на французский манер, что делало его речь немного обрывистой.

– Добро пожаловать в Фернандо-По, масса, – повторил он трижды, кивнув по очереди Килиану, Мануэлю и, наконец, Хакобо. – Надеюсь, путешествие прошло удачно. Багаж погрузили, масса Антон. Мы можем ехать.

– А почему ты не взял «лендровер»? – поинтересовался отец.

– В последний момент у него одна деталь отвалилась, и масса Гарус распорядился взять эту.

– Что ж, неплохое начало.

Хакобо распахнул перед Килианом и Мануэлем заднюю дверцу, изображая услужливого шофера.

– Эта красотка создана для особенных пассажиров, – подмигнув, заявил он. – Папа, ты тоже садись с парнями, а ты Хосе, садись спереди. Сегодня я поведу.

Хосе и Антон переглянулись.

– Не думаю, что Гарус это одобрит, – заметил Антон.

– Да ладно! – беззаботно ответил Хакобо. – Он и не узнает. Когда мне еще выпадет шанс поводить такую машину.

Хосе пожал плечами и сел впереди.

Расположившись на сиденье между отцом и Мануэлем, Килиан смог как следует рассмотреть Хосе. Он заметил тесную, даже дружескую связь между ним и Антоном – ничего удивительного, они давно знали друг друга. Когда отец с матерью впервые прибыли на остров, Хосе приставили к ним боем, «мальчиком на побегушках» – так называли молодых слуг, которые помогали белым работникам по дому. У каждого белого был такой помощник, а у семейных – и того больше, потому что кому-то нужно было присматривать за детьми. Годы шли, и Антон сумел убедить управляющего, что трудолюбивый буби, умеющий ладить с людьми, сможет руководить работами в сушильне какао-бобов – самой сложной частью процесса. Так Хосе

занял должность бригадира, что являлось редкостью, поскольку обычно бригадами назначали белых (а самая тяжелая работа доставалась нигерийцам из городка Калабар). Со временем Гарус вынужден был признать, что у сложившегося мнения по поводу буби – что они ленивы и неспособны, – есть исключения.

Проехав по прямым улицам Санта-Исабель с расположенными как по линейке белыми особнячками и броско одетыми пешеходами, они продолжили путь по пыльной грунтовке, среди первых густых рядов какао.

– Вы все увидите, масса, – сказал Хосе, наблюдая за Килианом через зеркало заднего вида. – На равнине у нас растут только шоколадные деревья да пальмы. На холмах – кофейные посадки. А повыше – бананы и абака, манильская пенька.

Килиан благодарно кивнул. Хосе был рад в очередной раз описать дорогу, как в свое время описывал ее сперва Антону, а потом и Хакобо. Отец и Мануэль молча смотрели в окна, открытые, чтобы впустить свежий воздух. Километров через пять Мануэль указал Килиану на указатель, и тот задохнулся от изумления. Сарагоса! Правда, это было всего лишь название деревеньки рядом с плантацией.

– Ее основал первый владелец Сампаки, – сообщил Антон, когда они проехали дерево высотой метров двадцать. – Мариано Мора.

Килиан уже слышал о нем, и его переполнил восторг, что он своими глазами видит то, о чем слагали истории.

– Ты ведь помнишь, Килиан, что он родился по соседству с Пасолобино? – вставил отец. – А тут он выстроил церковь.

Мануэль подсчитал в уме: получалось около пятидесяти лет назад.

– Ты его встречал? – спросил он.

– Нет. Когда мы с матерью только прибыли, он уже умер от тропической лихорадки. Но его помнят здесь как работающего и бережливого человека.

– Все горцы такие! – прихвастнул Хакобо.

– А кому перешли плантации? – спросил Мануэль. – Его детям?

– Нет. Детей у него не было. Плантации отошли его племяннику, и семья племянника до сих пор владеет ими. Но они живут в настоящей Сарагосе. Единственный, кто приехал работать сюда, – Лоренцо Гарус. Он одновременно и управляющий, и главный акционер.

Деревушка состояла всего из нескольких хижин, и через несколько секунд они поравнялись с межевым столбом. Хакобо притормозил возле двух охранников с винтовками, которые как раз прощались с третьим. Звали его Максими-ано, как услышал Килиан. Этот Максими-ано ему не понравился. Высокий и мускулистый, с изрытом оспинками лицом. Взяв коробку, протянутую ему через окно Хосе, он молча удалился.

– А кто это был? – спросил Хакобо, вновь разгоняясь.

– Не знаю, – ответил отец. – Кто-то с другого поста, видно. Иногда они меняются.

– Первый урок тебе, Килиан, пока мы не въехали на плантацию, – объяснял Хакобо. – Охранникам нужно регулярно привозить подарки: табак, напитки, даже яйца подойдут. Чем чаще ты это делаешь, ты быстрее они приезжают на вызов.

– Обычно проблем не бывает, – добавил Антон, согласно кивая, – но кто знает... Как-то на соседней плантации работники подняли бунт, протестуя против условий работы. Повезло, что прибыла местная охрана. – При этих словах Килиан занервничал, и Антон заметил это. – Да ты не волнуйся, сынок, это давно уже было. Сейчас ничего такого нет. Кстати, в обязанности белых работников входит улаживание конфликтов с местным населением. Ты все узнаешь.

Они приближались к Сампаке, и Хакобо сбросил скорость. Санта-Исабель произвел впечатление на Килиана, но когда они въехали в Сампаку, у него дыхание перехватило. Пейзаж полностью сменился. Теперь машина двигалась по красноватой дороге в окружении высоченных пальм, закрывавших кронами солнце. Невероятная игра света и тени завораживала, и

любопытство Килиана достигло высшей точки. Что его ждет в конце этого бесконечного тоннеля? Казалось, его влечет какая-то неведомая сила, и голос в голове нашептывал, что, пройдя путь до конца, он уже не будет прежним. Тогда он еще не знал, что через несколько лет ему придется заказывать новые пальмы для аллеи, ставшей символом одной из самых лучших плантаций на острове, чья площадь насчитывала девять сотен гектар.

В конце аллеи Хакобо притормозил, чтобы поздороваться с низеньким, кудрявым мужчиной, подметавшим ступеньки особняка.

– Как дела, Иеремия? Хватает тебе кур?

– Достаточно, масса, кур много! – улыбнулся буби. – Яиц на всех хватит. С возвращением вас!

– Иеремия – мастер на все руки, – объяснил Хакобо Килиану и Мануэлю. – Он и привратник, и сторож, он будит нас по утрам и приносит хлеб. А еще в его ведении курятники, и он объясняет садовнику, что и как нужно делать. – Он снова высунулся в окно и крикнул: – Эй, сторож! Запомни этих парней, потому что они часто будут уезжать по ночам!

Иеремия кивнул и помахал вслед машине, медленно пробиравшейся среди кур и коз.

Перед ними открылась довольно широкая площадь, – как и плантация, она называлась Сампака, – на которой располагались два бассейна: один для чернокожих, другой для белых, и Килиан понял, что придется учиться плавать. Слева и справа от площади были так называемые дворы: Йаката и Упсида, или сокращенно Обсе. На каждом дворе стояли сушильни для какао-бобов, склады и гаражи. Вообще, Йаката и Обсе – это были делянки на плантации, и они соревновались между собой, а здесь, в поселке, была их база. На протекавшей через Сампаку речушке стояла маленькая гидроэлектростанция, питавшая электричеством цеха и жилые дома. Здесь также имелась церковь, больше похожая на часовню, и была больница с хирургическим кабинетом и двумя палатами на четырнадцать коек каждая. В самом большом из дворов стояли дома работников-европейцев, преимущественно испанцев.

Килиан был ошеломлен. Несмотря на все рассказы, он и представить не мог, что здесь находится маленький город с сотнями обитателей, да еще в окружении невероятного пейзажа. Куда ни глянь – везде что-то происходило: чернокожие мужчины, одетые в рубашки цвета хаки и короткие штаны, босые или в запыленных кожаных сандалиях, переносили мешки и ящики, грузовики везли куда-то рабочих...

К горлу подкатил комок, радостное возбуждение сменилось головокружением. Ему стало страшно! Рядом с ним были отец, брат и новый друг Мануэль, а у него перехватило дыхание. Как он сможет влиться во все это? Привыкнет ли к этой чертовой жаре, из-за которой он вот-вот задохнется. Килиан не мог ни дышать, ни думать. И он чувствовал себя трусом. Закрыв глаза, и перед внутренним взором возникли знакомые образы: снег, падающий на покатые крыши, огонь в камине, мать у плиты, коровы, переступающие по камням мостовой. Образы успокаивали, но... он уже скучал по дому. Он бы сейчас все отдал за то, чтобы закрыть глаза и оказаться в поместье Рабалтуэ. Но эту слабость нужно перетерпеть. Что бы подумали отец с братом, если б смогли прочитать его мысли?

Машина остановилась перед одним из домов. Антон был уверен, что после столь длительного путешествия сыновья захотят умыться и передохнуть, прежде чем идти знакомиться с управляющим. Завтра у них будет время, чтобы осмотреть главные постройки и саму плантацию. Они вышли из машины, и Антон обратился к Мануэлю:

– Ты поживешь здесь, пока Дамасо не уедет, а потом займешь его дом. Сейчас Хакобо проводит вас в комнаты и покажет столовую, а я сообщу сеньору Гарусу, что вы прибыли. Увидимся через полчаса... Да, Хакобо! Сделай-ка брату какой-нибудь безобидный «сальто».

Хакобо смешал не один, а целых два коктейля из виски с водой. Потом отправился в двадцатиметровую комнату Килиана, обставленную всем необходимым: кровать, прикроватный столик, большой шкаф, обеденный стол и умывальник с зеркалом. На Килиана напиток про-

извел благоприятный эффект. Дыхание постепенно выравнилось, ослабло стеснение в груди, колени больше не тряслись, и он почувствовал себя вполне готовым к знакомству с владельцем плантации.

Лоренцо Гарус принял их в своем офисе. Крепкий мужчина лет сорока с густой черной шевелюрой, острым носом и короткими усиками. Голос звучал дружелюбно, но резко, как у человека, привыкшего отдавать команды. На полу сидел кудрявый мальчуган с темными волосами и слегка раскосыми глазами, как у Гаруса; он развлекался тем, что вытаскивал бумажки из мусорного ведра и запихивал их обратно. Управляющий поприветствовал Килиана и Мануэля, поздравил Хакобо с возвращением и сразу же спросил, все ли необходимые документы они привезли. Килиан заметил, что отец при этом нахмурился.

Просмотрев бумаги, Гарус убрал их в ящик и жестом предложил присесть. Вентилятор на потолке лениво гонял воздух.

– У вас, Мануэль, – начал Гарус, – уже есть опыт работы на острове, так что я не буду вдаваться в подробные объяснения. Дамасо останется здесь еще на пару недель, и он поможет вам втянуться. Плантация у нас самая большая, и люди здесь в основном молодые и сильные. Так что работа ждет несложная: порезы от мачете, ссадины, синяки, малярийка... ничего серьезного... Могу я спросить кое-что? – перебил он сам себя. Мануэль кивнул. – Почему молодые и перспективные специалисты вроде вас предпочитают колонии Мадриду? Почему вы выбрали нашу плантацию, а не Санта-Исабель? Там предлагают жалованье получше...

– Видите ли, я не только врач, но еще и ученый-биолог, – не растерялся Мануэль. – Ботаника – моя страсть. Я уже издал несколько научных работ по флоре Гвинеи. Хочу извлечь максимум из своего пребывания здесь, расширить знания о некоторых видах растений и их медицинском применении.

Управляющий приподнял бровь.

– Звучит неплохо. Все, что помогает нам лучше узнать колонию, приветствуется. Надеюсь, у вас будет на это достаточно времени.

– А вы, юноша, – повернулся он к Килиану. – Надеюсь, вы готовы к работе? Нам здесь нужны энергичные и целеустремленные люди.

– Да, сеньор.

– Весь следующий день вы будете учиться. Смотреть, что делают другие, и делать так же. Я уже сообщил вашему отцу, что вы начнете работу в Обсе, вместе с Грегорио. Он здесь уже много лет работает, но ему нужен сильный помощник, который способен навести тут порядок.

При этих словах Килиан заметил, как отец поджал губы.

– Я думал, что Килиан будет работать со мной в Йакате, – встрял Хакобо. – Я бы сам его учил.

Но Гарус жестом остановил его. Он был уверен, что если Килиан окажется таким же безупречным работником, как и его отец, для блага плантации будет полезнее разделить братьев.

Ребенок вдруг радостно воскликнул. Подошел к отцу и протянул ему сокровище – ластик, найденный под столом.

– Отлично, сынок. Положи его в шкафчик, – Гарус взглянул на Хакобо и Килиана. – Все уже решено. Обсе пока что отстает от других делянок. Будет прекрасно, если новенький сможет навести там порядок. Я так сказал.

– Да, сеньор, – повторил Килиан.

– И хочу напомнить, что с работниками надо обходиться строго, но справедливо. Если вы поступаете неправильно, вас будут критиковать. Если вы не сможете решить проблему, вас не станут уважать. Не проявляйте слабости или излишней фамильярности. Вы меня поняли?

– Да, сеньор, – Килиан почувствовал необходимость в еще одном коктейле.

– И еще. Вы ведь не умеете водить?

– Нет, сеньор.

– Значит, это первое, чему придется научиться. Завтра вам выдадут все необходимое, пробковый шлем и мачете. Антон, кто у него бой?

– Симон, из новеньких.

– Отлично. Вроде он хороший парень, хотя в черных никогда нельзя быть уверенным. Если они почуют слабину, то будут приходить и уходить, когда им вздумается, без предупреждения. Да, жизнь в Фернандо-По не сахар... – обращаясь к Килиану, он продолжил: – Впрочем, если они привыкли, то почему вы не сможете? – Управляющий взглянул на часы и поднялся. – Уверен, что вы проголодались. Остальные уже поели, но я предупредил, чтобы вам накрыли. Прошу прощения, – он посмотрел на сына, – уже поздно, и мне пора возвращаться в город, у его матери пунтик насчет режима.

Мужчины поднялись и направились вслед за Гарусом к дверям. Попрощавшись с ним, пошли в столовую, которая находилась в том же доме, где были их комнаты, только на первом этаже.

– Что не так с этим Грегорио? – спросил Килиан по дороге.

– Дурной тип, – вздохнул Хакобо. – Сам увидишь. Так что будь осторожней.

Килиан вопросительно взглянул на отца.

– Не слушай его, – отозвался тот. – Просто работай – и все будет хорошо.

Мануэль отметил неуверенность в тоне Антона, и посмотрел на Килиана, который, войдя в столовую сел, где указал отец. Ничего, подумал он, набьет шишек, зато сможет оценить радости, которые предоставляет остров.

Килиан широко раскрыл глаза, увидев, что им принесли.

– Хамон! – воскликнул он. – И рагу из курицы с картофелем!

– А ты что думал? – расхохотался Хакобо. – Что тебе змею подадут? Здесь еда как дома, лучше даже.

– Конечно, мы, европейцы, предпочитаем европейскую еду, – сказал Антон. – Но нам повезло найти отличного повара-камерунца, который умеет сочетать все лучшее от Африки и Испании.

– А там что? – Килиан указал на миску на другом конце стола.

Мануэль прикусил губу от удовольствия.

– Мм... Обьединье – плантин! Нам приготовили приветственный десерт из бананов, жареных с рисом на пальмовом масле. – Он развернул салфетку и принялся наполнять тарелку. – Для тебя это первое экзотическое блюдо, друг мой. Скоро ты жить без него не сможешь!

Вскоре Килиан вынужден был согласиться: повар достоин наивысших похвал. Он наслаждался отличной едой и вином, но не мог отделаться от всплывающих в памяти образов родного Пасолобино, морского путешествия и видов острова. Но больше всего его терзали мысли о первом рабочем дне в обществе этого Грегорио. Постепенно, однако, веки его стали тяжелеть – усталость брала свое.

– Уже поздно, я иду спать, – сказал отец, поднимаясь.

Килиан тоже засобирался:

– И я пойду, а то завтра утром не встану.

– Встанешь, не волнуйся! – пообещал Хакобо. – После половины шестого спать уже не сможешь.

Они попрощались, Антон с Килианом поднялись по лестнице и остановились наверху.

– Доброй ночи, пап.

Антон кивнул, направился было к своей комнате, но, сделав несколько шагов, повернулся к сыну и пристально посмотрел тому в глаза. Ему хотелось столько всего рассказать, а еще

больше – поделиться силой, которая потребуется в ближайшие месяцы, чтобы обжиться на плантации, однако вместо этого он вздохнул, похлопал сына по плечу и напомнил:

– Не забудь как следует натянуть москитную сетку.

Только Килиан заснул (по крайней мере, так ему показалось), раздался громкий звук, как будто палкой стучат по забору. Еще через четверть часа барабанный рокот позвал людей на работу, и тут же кто-то постучал в дверь:

– Масса, Масса! Тумба прозвучала! Вставайте или опоздаете!

Килиан выкарабкался из постели и пошел открывать. В комнату прошмыгнул паренек со свертками в руках.

– Я принес вам рубашку и прочные штаны, масса. Положу на кровать вместе со шлемом и мачете. Если поспешите – успеете выпить кофе. И не забудьте высокие ботинки!

– Ты говоришь по-испански?

Юноша кивнул:

– Я же буби, буби все говорят.

– Как тебя зовут?

– Симон, масса.

Килиан вспомнил, что так зовут его боя, и постарался запомнить лицо. Мальчишка был довольно приятным. Круглые глаза и слегка вздернутый нос, как у Хосе; короткие кудрявые волосы были такими темными, что трудно было различить, где они начинаются, а где кончается лоб. По лбу пролегли три морщинки, нетипичные для столь юного возраста. Он присмотрелся – кажется, это были не морщинки, а маленькие шрамы.

– Сколько тебе лет?

– Не знаю точно. Около шестнадцати.

– Не знаешь точно? – переспросил Килиан и пожал плечами. – Что ж, Симон, расскажи, что мне нужно делать.

– Через десять минут все должны построиться во дворе, белые – в первом ряду.

Килиан выглянул в окно.

– Но еще темно...

– Да, масса, но к началу работы солнце будет высоко. Здесь все дни похожи один на другой. Двенадцать часов – день, двенадцать – ночь. Смены – с шести до трех. – Он взял рубашку с кровати. – Помочь вам одеться?

– Нет, спасибо, я сам.

– Но...

– Сказал же – нет, – повторил Килиан твердо. – Подожди снаружи.

Умыться и одеться хватило пяти минут.

– Время на кофе еще осталось?

Паренек заспешил за ним по коридору. Спускаясь с лестницы, Килиан заметил множество людей, строящихся во дворе. Он заскочил в столовую, выпил несколько глотков вкуснейшего кофе, налитого Симоном, и вышел на улицу. Набрал в грудь воздуха и направился к шеренге, чувствуя на себе любопытные взгляды, – всем был интересен новый работник. Он сжал шлем в руках, чтобы успокоить нервы.

– Ты вовремя, Килиан, – сказал Хакобо, когда брат подошел. В руках у него были какие-то бумаги и хлыст. – Еще минута – и ты бы не получил денег.

– Что?

– Те, кто опаздывают к построению, лишаются платы за день. – Он ткнул брата локтем под ребра. – Расслабься, это только цветных касается. Выспался? – Килиан кивнул. – Видишь? Справа от отца – это Грегорио, или масса Грегор. С ним ты будешь работать в Обсе. Удачи! Увидимся после обеда.

Килиан рассматривал Грегорио, который, стоя к нему спиной, разговаривая с Антоном. Высокий, костлявый темноволосый мужчина, ничего особенного. Килиан поздоровался, и Грегорио обернулся. Парень протянул руку.

– Я Килиан, ваш новый напарник.

Грегорио, ответив на рукопожатие, внимательно осмотрел его.

– Значит, ты второй сын Антона? Скоро вся ваша семья сюда переберется.

Килиан счел рукопожатие холодным, улыбку – натянутой, а слова – грубыми. Он взглянул на отца и спросил:

– А ты где сегодня работаешь?

– Здесь, на складах. К счастью, мне уже не надо работать на самой плантации.

Их разговор прервал шум моторов: подъехали грузовики с натяжными тентами. Грегорио подошел к шеренгам и указал на тех, кто поедет. Антон, стоя за его спиной, процедил сквозь зубы:

– Не советую обижать моего мальчика.

– Я научу его всему, чтобы он тут выжил, – ответил Грегорио с улыбкой.

Антон бросил на него еще один предупреждающий взгляд и повернулся сыну.

– Иди, Килиан.

Парень кивнул и поспешил к грузовикам.

– В каждой бригаде по сорок человек, – стал объяснять Грегорио. – Один грузовик – одна бригада. Можешь начинать считать, – заметив недоумение на лице Килиана, он усмехнулся: – Их можно по одежде различить. Привыкай давай.

Работники ловко запрыгивали в кузов, переговариваясь на непонятном языке. Килиан догадывался, что это пиджин. Единственный испанец, с которым ему предстояло общаться в ближайшие часы, надрывал глотку:

– Эй, лентяи! Живей! Живей!

Перед Грегорио остановился худенький юноша, скрестив руки на бедрах.

– Чего тебе надо? – гаркнул мужчина.

– Я болееть, масса.

– Ты вечно болен. Всегда! Каждый день одно и то же! – взревел Грегорио.

– Я правда болееть, масса Грегор. – Юноша поднял руки будто в мольбе. – Мне нужен хинин.

– Как тебя зовут?

– Умару, масса.

– Хинин тебе, значит, нужен, Умару? А как насчет *такого хинина*? – О землю щелкнул хлыст.

Килиан открыл было рот, чтобы вмешаться, но Умару тут же запрыгнул в грузовик; за ним последовали еще двое. Грузовик посигналил.

– А ты что встал? – прикрикнул Грегорио на Килиана. – Садись в кабину.

Килиан повиновался и сел на пассажирское место, Грегорио – за руль, колонна тронулась. Несколько минут оба молчали. За окном в слабом свете тянулись ряды шоколадных деревьев – какао, – прикрытые от солнца банановыми веерами и листьями эретрины. Иногда ветви смыкались, образуя над пыльной грунтовой тоннель.

– Я думал, хлысты больше не используют, – произнес Килиан.

Грегорио удивленно вскинул брови.

– Слушай, парень, я здесь работаю много лет. Иногда приходится применить силу, чтобы они начали слушаться. Черные постоянно врут, потому что если пропустят рабочую смену по болезни, им все равно заплатят. Скоро сам увидишь. Они только и делают, что ищут отговорки и страшно суеверны – представь, какая комбинация! – Килиан промолчал, а мужчина продолжил: – Что до хлыста... как думаешь, зачем он нужен твоему брату, а? Владельцу нужен доход,

а хлыст, у нас его тут называют мелонго, – лучший способ его получить. – Он вытащил сигарету из нагрудного кармана, зажег ее и глубоко затянулся. – Если хочешь, парень, чтобы мы ладили, с этого момента ты глух и нем. Понятно?

Килиан стиснул зубы. Из всех возможных напарников ему достался этот кретин. Он злился на отца и брата, что не предупредили его о существовании таких вот типов. Он слышал о «силовых методах», но не понимал до конца, что на самом деле скрывается за этим. Его изводил зуд, но он вовсе не хотел наживать проблем в первый же день.

Грузовик затормозил так резко, что Килиан едва не влетел лбом в ветровое в стекло.

– Черт! – выругался Грегорио.

Из грузовика перед ними посыпались люди, все кричали. Испанец выскочил посмотреть, что произошло. Килиан последовал за ним.

Навстречу, размахивая руками, бежал рабочий, крича что-то непонятное.

– Поверить не могу! – воскликнул Грегорио в ярости.

– Но... что случилось?

– В кузов с веток свалился чертов удав, и они все рехнулись!

Рабочие старались держаться подальше от машины.

– Бери мачете! – Вдруг рявкнул мужчина, поворачиваясь к Килиану. – Живо!

Килиан бросился в кабину, схватил мачете и застыл, увидев, как через борт грузовика свесилась змея: огромный трехметровый удав.

– Иди и прикончи ее!

Килиан не шевельнулся. Он видел змей, когда они заготавливали сено в долине, но те казались безобидными червячками в сравнении с этим чудовищем.

– Ты что, оглох?! – Грегорио посмотрел на него и ухмыльнулся. – Так ты еще и трус! Дай мне!

Он выхватил мачете из рук Килиана, оперся ногой на отбойник и с размаху нанес удар. Брызнула кровь, но Грегорио, казалось, не обратил внимания. Бил и бил с яростным рыком. Остановившись, подцепил кусок мяса кончиком ножа и поднял над головой, чтобы все могли увидеть.

– Это всего лишь змея, к тому же не ядовитая! И вы этого боитесь? И ты тоже? – переключился он на Килиана.

Спрыгнув, он велел водителю грузовика разворачиваться, а сам подошел к молчавшему парню.

– Ты! Тут есть раненые. Соберешь всех в грузовик и доставишь в больницу, пусть новый доктор поработает. Остальных распредели по другим машинам.

Килиан огляделся. Раненые действительно были – свалившийся удав был тяжелый, проравшийся тент удара не смягчил, да и люди выпрыгивали на ходу. Он заметил, что один из мужчин лежит на земле, обхватив голову руками. Килиан опустился на колени рядом. Он не понимал, что говорит этот человек, но видел, как из раны хлещет кровь, а из глаз – слезы. Вытащил платок и приложил к ране, чтобы остановить кровь, по-испански бормоча слова утешения.

– Ты не говорить верно, – сказал рабочий. – Я ты совсем не понимать.

К ним подошел еще один мужчина, присел на корточки и тихо заговорил с раненым. Его слова успокоили беднягу.

– Как тебя зовут? – обратился Килиан к неожиданному помощнику.

– Вальдо, масса. Я...

– Знаю, ты буби. Ты говоришь на моем языке, – Килиан поднял глаза к небесам и вздохнул. Он сразу заметил, что, как и Симон, буби был по-другому одет. На нем была белая рубашка, короткие штаны, гольфы до колен и высокие ботинки. По возрасту он был чуть старше Симона, и внешне они были очень похожи.

– Ты, наверное, шофер? – догадался Килиан.

– Точно, масса.

– Будешь моим переводчиком, Вальдо? Спроси его, сможет ли он дойти до грузовика. Мужчины обменялись короткими фразами, рабочий покачал головой.

– Что он сказал?

– Что до машины дойдет, но не полезет в кузов, залитый змеиной кровью.

Килиан в изумлении открыл рот. За спиной снова послышались крики; обернувшись, он увидел, как Грегорио пытается загнать рабочих в кузов, испачканный кровью.

– Это плохой человек. Пусть он ехать на Панья! – строго сказал раненый и показал пальцем в сторону Грегорио. – Проклинать тебя.

– Вальдо?

– Он сказал... – Мужчина запнулся, но под настойчивым взглядом Килиана продолжил: – Что это плохой человек, и его нужно отправить назад в Испанию. А потом проклял его. – Прежде чем Килиан попытался вникнуть в смысл, шофер пустился в разъяснения: – Нигерийцы очень боятся змей, масса. Они верят, что если, пусть и случайно, дотронуться до змеи, злые духи, живущие в ее теле, напустят беды и болезни на всех членов семьи.

Килиан смерил его недоверчивым взглядом, глубоко вздохнул и направился к Грегорио.

– Если не смыть кровь, ничего не получится, – произнес он как можно спокойнее.

– Не глупи! Если один полезет – все последуют за ним.

– Нет, они не полезут, – нахмурился Килиан. – Так что одно из двух: либо мы отправляем Вальдо на этом грузовике, чтобы он пригнал другой, либо придется самим вымыть этот.

Грегорио смотрел на него, сжав кулаки. Нужно было принять решение. За ними следили десятки глаз, ожидая, что будет дальше. Против двух белых слишком много черных. Надавишь – быть бунту. А если послать за другим грузовиком, они решат, что белые и впредь будут прогибаться под их глупыми предассудками.

– Ладно, – сдался Грегорио. – Вариантов не так уж много... Только как отмывать?

Килиан огляделся и сорвал несколько больших листьев, защищавших от солнца посадки какао.

– Воды нет, так что набрасаем вот это на дно грузовика.

Не без труда он уговорил нескольких человек набрать листьев и принести ему. Когда он запрыгнул в кузов, за его спиной прокатились неодобрительные шепотки: белый перемажется кровью. Никто не спешил ему помогать, даже Грегорио: тот стоял в стороне и курил с надменным видом.

Кожистые листья оказались хорошей подстилкой – по крайней мере, на его собственный взгляд.

– Вальдо, скажи им, пусть забираются. – Он старался говорить как можно увереннее, хотя сердце бешено колотилось. – Скажи, что никто не запачкается.

Водитель перевел, но рабочие не двинулись с места. Грегорио выплюнул окурок, покачал головой и направился к своей машине.

– Я за хлыстом. Но на этот раз дам его тебе, пора уже начинать.

Вальдо сказал несколько слов на пиджине. Килиан предположил, что тот перевел слова Грегорио, потому что мужчина с разбитой головой ухватился за борт грузовика, поставил ногу на рейку, служившую подножкой, и забрался в кузов. Он протянул окровавленный платок Килиану, но тот не стал его брать.

– Пасиба, – пробормотал рабочий.

В кузов забрались еще два десятка пострадавших, Вальдо сел в кабину и завел мотор. Грегорио прижал свой грузовик к обочине, чтобы машины смогли разъехаться.

Оставшийся путь прошел в молчании.

На делянке Килиан следовал по пятам за своим напарником между рядами какао, вычищая лишние побеги с помощью мачете. Никто ему ничего не объяснял – он просто копировал действия других. Рабочие затянули монотонную мелодию, и Килиан обнаружил, что пение помогает справляться – было такое чувство, что кто-то другой орудует мачете, как будто в транс впал.

Часа через три или четыре Грегорио объявил перерыв на обед. Все направились к тенту, под которым стояли грубо сколоченные столы. Несколько поваров готовили еду в огромных котлах. Килиан обливался потом под палящим солнцем, и есть ему не хотелось. Грегорио куда-то исчез, и Килиан был рад этому.

– Масса! – К нему спешил Симон с корзиной на голове.

– Что ты тут делаешь? – удивился парень.

– Принес вам обед.

– Мы разве не едим все вместе?

– Нет. Белым приносят обед их помощники, а в Сампаке белые едят в столовой.

– Да, но как ты меня нашел?

– Это моя работа – всегда знать, где вы. А грузовиков у нас хватает.

Килиан сел прямо на землю, где было немного тени. Симон начал извлекать из корзины провизию: хлеб, хамон, сваренные вкрутую яйца и большую бутылку с водой. Килиан с жадностью припал к ней, выпил почти половину. Вытер пот с бровей и щек рукавом рубашки и закрыл глаза. Дремоту нарушили громкие голоса: рядом с ним о чем-то спорили двое мужчин. Потом они направились к нему и попытались что-то объяснить. Симон вскочил и потребовал, чтобы те говорили по очереди; выслушав их, он сказал Килиану:

– Они считают, что повар несправедливо распределил малангу.

Килиан нахмурился.

– Малангу? А что это?

– Ну... это что-то вроде вашего картофеля, так? Один из них решил, что его порция меньше, и пошел разбираться.

– Так при чем здесь я? – не понял Килиан.

– Вы должны рассудить, масса. Он поступят так, как вы скажете.

Килиан сглотнул, поскреб затылок и поднялся. Грегорио все еще не было. Разговоры прекратились, все смотрели на него. Он направился к раздаче, сопровождаемый Симоном. Темнокожий повар стоял, скрестив руки, над двумя мисками с треской, рисом и еще чем-то, действительно похожим на картофель. Килиан осмотрел миски. В одной из них клубни были крупнее. Рабочие за его спиной снова заспорили. Килиан живо припомнил собственные разборки с братом. Они сидели у огня и ждали, пока мать раздаст печеную картошку. Получив меньшую Килиан начинал возмущаться. И как поступала мать?

Он жестом попросил у повара нож, разрезал клубни на равные доли и положил в миски. Потом, не говоря ни слова, вернулся на свое место и снова сел на землю. Симон, поспешивший за ним, стал настаивать, чтобы Килиан поел, потому что до ужина еще далеко. Без всякого аппетита он пожевал хлеб. Абсурдность ситуации с малангой не шла из головы. Они как дети.

– Это было честное решение? – спросил он наконец. – Симон?

– Конечно, масса, честное. Да. Но, думаю, каждый из них хотел получить побольше.

Ровно так же прошло еще несколько дней, и еще, еще. Килиан в компании с угрюмым Грегорио ехал на делянку в грузовике, рубил мачете побеги под песни и выкрики нигерийцев, разрешал какие-то глупые споры. А возвратившись в Сампаку, проходил «курсы вождения» у Хакобо и Вальдо. Если хватало сил, писал несколько строк – наигранно веселых – Марианне и Каталине и падал в постель, изнывая от пота и зуда. За ужином он почти не разговаривал, и старался не отвечать на укусы Грегорио, на которые тот был щедр в присутствии других.

Однажды вечером, когда Килиан встал из-за стола, не съев и половины порции, Антон решил проводить его до комнаты.

– Потерпи, сын, – сказал он, когда они вышли из столовой. – Поначалу трудно, но мало-помалу ты освоишься. Я понимаю, что ты чувствуешь. Сам через это прошел.

Килиан удивленно вскинул брови.

– И тебе приходилось работать с таким типом, как Грегорио?

– Я не об этом... – Антон поскреб голову и опустил взгляд. – Я не знаю, когда именно, но наступит час, когда этот остров завладеет твоими мыслями и ты не захочешь уезжать. Может быть, дело в удивительной способности людей к адаптации, а может – в странной магии этого места. – Он посмотрел в глаза сыну. – Я не встречал еще никого, кто бы не сдерживал слезы, уезжая.

Должно было пройти много лет, прежде чем Килиан осознал смысл и глубину этих слов.

Глава 4

Красивый город

– Ладно, – сдался Хакобо, – на обратном пути поведешь ты.

Кириан резво запрыгнул в открытый пикап, который местные называли «пику». Спустя две недели активного обучения, он наконец получил права на вождение грузовиков и легковых машин. Но поездка в город – совсем другое дело.

– Прокачусь разок с тобой, – сказал он брату, – и дальше смогу ездить сам. Ловлю на слове – на обратном пути.

Управляющий поручил им закупить в лавках Санта-Исабель инструменты и материалы. День был невыносимо знойный, как обычно бывает в сухой сезон, продолжавшийся с ноября до конца марта. В это время валили деревья, заготавливали топливо для сушения, прививали деревья на плантации и выпалывали сорняки бикоро, ну и, конечно, занимались ремонтированием дороги. Кириан уже усвоил, что самое важное – держать мачете под рукой, чтобы избавляться от сорных растений, которые нахально вылезали неизвестно откуда.

Было еще ранее утро, но он уже обливался потом, а вскоре все тело немилосердно чесалось, как было с первого дня на острове. К сожалению, лекарства Мануэля эффекта не возымели. Оставалось надеяться, что рано или поздно тело привыкнет к местным условиям и жгучая боль отступит.

– Ты не представляешь, как я скучаю по свежему горному воздуху! – вздохнул Кириан, вспоминая Пасолобино. – Эта жара меня доконает!

– Не преувеличивай, – Хакобо оперся локтем на открытое окно кабины. – Подумаешь, одежда к телу прилипла. Это что. Вот придет сезон дождей – а он у нас длится с апреля по октябрь, – и будешь липкий круглые сутки! – Он вытянул руку в окно, играя с ветерком. – Благодарю Бога, глупыш, что к нам прилетел младший брат ветра из Сахары – харматтан – и принес избавление.

Небо над дорогой впереди заволокло облако мелкой пыли красновато-серого оттенка.

– Не понимаю, как ветер, который поднимает такую пылью и режет глаза, может принести избавление. Мне от него еще хуже.

– Ха! Вот увидишь, что будет, когда харматтан подует в полную силу! Солнца не увидишь несколько дней и наешься песку вдоволь.

Хакобо искоса посмотрел на брата. Лицо обгорело, и прежде чем появится ровный глубокий загар, пройдут еще недели. Тогда же и настроение изменится. Он сам через это прошел. К тяготам Африки нужно привыкнуть. Хакобо мог себе представить, что за мысли роятся в голове Кириана. После душной жары, после изнурительной работы под палящим солнцем, да еще под присмотром Грегорио, у брата не осталось ни единой иллюзии, которые он питал до приезда сюда. Возможно, судьба сведет его с одной из местных девушек, и это поднимет ему дух.

– Как дела в Обсе? – спросил Хакобо равнодушно.

Кириан ответил не сразу. Брат был единственным, кому он доверял, но он не хотел показаться нытиком. Каждая клеточка тела Хакобо излучала энергию, и Кириан ни разу не видел его грустным или огорченным чем-то. Старший брат прекрасно знал, чего хочет от жизни: наслаждаться каждым ее моментом по полной, не задаваясь сложными вопросами. Он работал, потому что не было другого выбора, но если урожай выдавался плохой – это были не его проблемы: он все равно получал жалованье. Разве есть повод для страданий?

– Язык проглотил?

– А? Нет. Грегорио достал. Унижает меня перед работниками. За моей спиной говорит им, что меня не обязательно слушать, поскольку я новичок. А потом сам же посылает их ко мне со всякими проблемами. Мне так Вальдо сказал.

– Да ему просто завидно, твоему Грегорио. Гарус не дурак, он знает, что новичок все будет делать правильно, а значит, есть шанс навести порядок в Упсиде. Если продолжишь в том же духе, скоро станешь там главным.

– Ну, не знаю. Наверное, я просто по натуре не лидер. Мне трудно заставить работников делать так, как я скажу. Приходится по двадцать раз повторять. А они ждут, пока я разозлюсь и начну на них орать, – только тогда и берутся за дело.

– Пригрози, что позовешь охрану. Или скажи, что отправишь их на Биржу труда в Санта-Исабель и их там оштрафуют.

– Уже говорил, – Килиан покусал губу. – Проблема в том, что я сто раз обещал это сделать, но никого еще не отправил. Так что они уже не обращают внимания.

– Ну тогда тресни их пару раз палкой – увидишь, как они забегают!

Килиан взглянул на брата удивленно.

– Но я ни разу в жизни никого не бил! – запротестовал он.

– Так уж и никого. А как же наши драки в детстве?

– Это совсем другое.

– Если ты этого не сделаешь – это сделает Грегорио, и проблема решена, – голос Хакобо посуровел. – Слушай, чем быстрее они тебя зауважают – тем лучше. Многие испанцы желали бы занять твоё место и получить то, что имеешь ты...

Килиан молча кивнул. Он наблюдал через окно за мартышками, сидящими на ветках деревьев, они не боялись машин. Зелень по сторонам тянулась почти до Санта-Исабель, где грунтовка переходила в асфальтированную дорогу.

– Слушай, давай сперва прокатимся по городу, чтобы ты огляделся, – сказал Хакобо. – Времени у нас достаточно. И перестань чесаться – это меня нервирует!

– Ничего не могу с собой поделать! – скривился Килиан.

Хакобо повел машину по узким улочкам. Начали они с верхней части города, где жили в основном нигерийцы. Тут было бедно. Стайки детей бегали за резиновыми мячиками, сделанными из сока каучукового дерева, мальчишки стреляли друг в друга из трубок косточками и жеваной бумагой. Женщины с узлами на головах, часто с выводком малышей прогуливались вдоль прилавков, предлагавших самые разные товары. Продавцы ветками пальм старательно отгоняли назойливых мух, вьющихся над рыбой и мясом (Хакобо сказал, что здесь продают мясо обезьяны и *гронбифа*, земляной крысы размером с зайца). В машину влетали терпкие ароматы жаркого и свежих фруктов, разложенных на газете или банановых листьях. Это была феерия звуков, цвета и запаха – пир для всех органов чувств.

Килиан отметил, что большинство женщин одеты в длинные хлопковые рубашки, которые горячий ветер прижимал к ногам, но некоторые были с обнаженной грудью. Он рассматривал темные соски девушек со смущенной улыбкой и блеском возбуждения в глазах, представляя знакомых девушек из Пасолобино, одетых – а точнее, *раздетых*, – как эти красотки.

Дома здесь скорее напоминали халупы – стены из глины, но чаще из дерева *калабо*, крыши из цинка или из пальмовых листьев; стояли они вплотную друг к другу. Но по мере того как братья приближались в району, где жили европейцы, картинка менялась. Появились особняки, окруженные садами и цветниками. Если в доме была лавка, жилые комнаты располагались наверху.

Хакобо остановил пикап, вышел и жестом поманил брата за собой.

– Видишь вывеску «Фактория Рибароса»? – спросил он. – Иди туда, а я хочу заглянуть в аптеку на углу. Посмотрю, есть ли у них что-нибудь от зуда, ну, и еще кое-что. – Рибаросы – это семья из Пасолобино. Все что нам нужно, у них есть, и они все запишут на счет плантации.

Килиана, когда он вошел, поразило огромное количество предметов, размещенных на полках и стоявших на полу. Тут можно было черта купить.

Его окликнул приятный женский голос:

– Если здесь нет того, что вы ищете, мы можем заказать.

Он обернулся и увидел девушку, свою ровесницу, невысокую привлекательную шатенку. На ней были зеленые брючки со стрелками и белый джемпер с коротким рукавом, вокруг шеи обернут красный шарфик. Девушка прищурилась и воскликнула:

– Так ты Килиан, брат Хакобо, да? Вы так похожи! Ты меня не помнишь?

И он вспомнил. Однажды вместе с отцом он был в гостях у ее бабки с дедом. Те жили в трех километрах от Пасолобино. Отец, возвращаясь с острова, всегда навещал их, привозил посылки от родителей этой девчонки. Помнится, она говорила, что подрастет и поедет в Африку. Так и вышло.

– Хулия? Прости! Ты так изменилась!

– Ты тоже, – засмеялась девушка. – Маленько вырос с тех пор, как мы виделись. – Она прикинула в уме: – Тебе ведь тогда было десять?

– Ну да, где-то так. А ты давно не была дома? В смысле – в Испании? Твои родители здоровы?

Хулия кивнула.

– Да, и дела у нас идут отлично. Я отучилась в Колониальном институте и решила помочь им вести семейное дело. – Она пожала плечами. – Каждый год говорю себе, что вернусь в Пасолобино, – но нет! Знаешь, я всегда прошу Хакобо рассказать мне о любимых горах... Кстати, он уже вернулся из отпуска?

Килиан рассказал ей последние новости и ответил на все вопросы о крестинах, свадьбах и похоронах. Беседа о родном Пасолобино заставила его забыть о приступах чесотки.

– Извини, что спрашиваю, – внезапно воскликнула девушка. – А ты сам-то как? Привык уже к новой жизни здесь?

Килиан вытянул руку, чтобы она увидела, в каком состоянии его кожа.

– Понятно... Но ты не волнуйся, – успокоила его Хулия. – Это скоро пройдет.

– Все так говорят... Должен тебе признаться: я думал, что жизнь в колониях другая.

– Через пару месяцев ты будешь думать по-другому! – рассмеялась Хулия.

В этот миг дверь открылась и вошел Хакобо. Он расцеловал девушку в щеки, а Килиан заметил, что она слегка покраснела.

– Рада снова тебя видеть. Как прошел отпуск?

– Обожаю отпуск, особенно когда он оплачиваемый!

– И ты несколько по нам не скучал? – поддела Хулия.

– Знала бы ты, как хочется оторваться, когда намахнешься мачете на плантации... Но я люблю к вам приходить! – подмигнул он ей и поспешил сменить тему: – Килиан, где наш список? И да, еще надо купить лаймы, они отлично идут к виски.

Килиан вытащил из кармана список и передал девушке. Та начала собирать заказ, а братья прошлись вдоль полок, присматриваясь.

– Это рождественская нуга, – пояснила Хулия, заметив, что Килиан вертит в руках жестяную банку. – Как видишь, у нас тут все есть!

– Консервированная нуга? Ничего себе...

– А ты думал!

Вскоре все было собрано. Хакобо подписал чек и расплатился из своего кармана за бутылку ирландского виски «Тулламор-Дью».

– Для вечеринки в честь отъезда старого доктора, – подмигнул он брату. – Сегодня вечером.

Хулия проводила их до машины.

– Не хотите прийти к нам на обед или на ужин на неделе? Родители будут рады. Да и Килиану полезно выбраться из глуши, – добавила она, прежде чем Хакобо успел придумать отговорку.

Но у Хакобо было иное представление о том, что «полезно». Обеды – это для женатых пар, а холостяки предпочитают совсем другое. Он уже открыл было рот, чтобы отказаться, но тут вмешался Килиан:

– Спасибо, Хулия, мы с радостью. Правда, Хакобо?

– Конечно, конечно!

Девушка просияла.

– Тогда увидимся на неделе. Я пришлю вам приглашение с посыльным. Пока-пока! – Довольная, она вприпрыжку убежала.

Хакобо запустил руку в карман, вытащил аптечную склянку и сердито швырнул брату.

– Вот, держи, чтоб не чесался.

В машине Килиан сразу принялся натирать мазью руки; брат сердито молчал.

– Слушай, что тебя так бесит? – поинтересовался Килиан через некоторое время.

Хакобо поджал губы и покачал головой.

– Она своего добилась.

– Ты о Хулии? Но она милая и умная девушка. С ней приятно болтать, у нее есть чувство юмора.

– Наслаждайся.

Килиан нахмурился, а потом расхохотался, ударив себя ладонями по коленям.

– Да она в тебя влюблена! А ты ее сторонись...

– А что мне еще делать? Не она первая, не она последняя. Девушек много.

– Но не все такие, как она.

– Ты прав, черт подери! – кивнул Хакобо с саркастической улыбкой. – При других обстоятельствах я бы предложил ей прогуляться по Переулку влюбленных в Пунта-Фернанда, есть тут такой... Но, думаю, пока рановато.

– Рановато для чего?

– Для того! Рановато мне жениться! – На его щеках проступили красные пятна. – Ты иногда меня удивляешь, Килиан. В нашем возрасте бывает множество подружек. И ни одна надолго не задерживается. Да, у некоторых есть постоянные девушки, но они не из *наших*. Зачем мне быть на крючке? С такими, как Хулия, одни проблемы, потому что они хотят денег, потом привязывают тебя детьми... Я не хочу таких отношений. Надеюсь, ты тоже... если понимаешь, о чем я. Мужчина есть мужчина, и он должен быть свободен. Причем, извини, независимо от статуса.

Килиан смотрел вниз, на свои руки.

– А как же наш отец? Он женат, но проводит много времени здесь... – представив отца в объятиях другой женщины, не Марианны, Килиан ощутил дурноту.

– Отцу сколько лет? Откуда мне знать, что он творил в юности, я и не спрашивал никогда. Но с тех пор как я живу на острове, ничего такого я не замечал. – Килиан на этих словах вздохнул с облегчением. – Но меня это не удивляет, – продолжил Хакобо. – Я знаю, какие у папы высокие принципы, и он религиозный человек...

– А тебе не кажется, что тут другое? Он просто очень любит маму. И никогда бы с ней так не поступил – я имею в виду, он не станет ее обманывать.

– Да, но другие белые мужчины тоже любят своих жен, которые остались в Испании. Однако они не затворничают, находят тех, кто скрасит их дни. Это не имеет ничего общего с любовью. Для здоровья полезно.

Килиан так не считал, но воздержался от комментариев. Пора было кончать с этой темой. Уступая любопытству, он все же спросил:

– И где же ты встречаешься со своими подружками? Я вроде ночью никого не видел. Хакобо ухмыльнулся.

– Увидишь, братишка, увидишь! Более того, я скоро и тебя с кем-нибудь познакомлю. Ты из тех, кто легко влюбляется в таких, как Хулия, а я не хочу, чтобы ты лишал себя удовольствий.

– Спасибо за доверие, – сыронизировал Килиан. – Постараюсь соответствовать.

Они уж подъезжали к Сарагосе. Первая поездка в город его слегка приободрила. Зуд не прошел, но болтовня с Хулией помогла избавиться от чувства одиночества.

– Кстати, Хакобо, – сказал он. – Теперь моя очередь вести машину.

Разгрузившись в Сампаке, Хакобо взял другую машину и уехал в Йакату, так как до конца дня было еще далеко, а Килиан отправиться на работу в Обсе, тоже за рулем. Он притормозил, чтобы не попадаться на глаза отцу, который шел куда-то в сопровождении Хосе. После разговора с братом не хотелось никаких распросов.

На делянку он прибыл, обливаясь потом, но невероятно гордый, что мотор ни разу не заглох. Припарковал пикап, взял мачете и двинулся в заросли. По пути он столкнулся с женщиной, несущей на голове пустую корзину. То есть как столкнулся – он увидел ее в нескольких метрах от себя, а она его не заметила. Внезапно женщина замерла, как будто услышала что-то в зарослях, и, не раздумывая, поспешила в известную только ей сторону. Килиан не обратил на это внимания, решил, что она приносила мужу обед, такое тут часто бывало.

Явственно слышалось пение, удары мачете и шипение пульверизаторов: чтобы предотвратить появление мучнистой росы, какао обрабатывали смесью бордосской жидкости, сульфата меди и сока лайма. Вскоре он увидел первую линию рабочих, старшиной у которых был Нельсон, темнокожий мужчина с плоским лицом, маленькими глазами и двойным подбородком.

– Где масса Грегор? – спросил его Килиан.

– Я не знаю, – пожал плечами Нельсон, потом поднял руку и указал сразу в нескольких направлениях. – Мы все приходим здесь. Но он не приходит.

Килиан ничего не понял, но кивнул. Не зная толком, чем заняться, он стал бродить среди рабочих, наблюдая за ними. Собственно, тем же занимался и Нельсон, который не очень-то любил наравне со всеми делать что-то полезное. И все же от него было больше пользы, чем от Килиана. Килиан, хотя и делал вид, что у него все под контролем, чувствовал себя неуверенно. До приезда сюда о какао, о том, как его выращивают, он имел самое смутное представление. Бывали дни, когда вместо делянки он оставался в поселке и помогал чинить дома, это получалось у него намного лучше.

– Я вернусь через пару минут, – сказал он Нельсону, подбирая с земли свежие листья. «Сходить в кусты» – хороший повод отлучиться.

Килиану пришлось воспользоваться мачете, чтобы расчистить удобное место. Он спустил штаны и расслабился, наблюдая за черно-желтым пауком, который плел сеть между ветками растения. Ни пауков, ни тарантулов он не боялся. На острове пауки были в десять раз крупнее, чем их в Пасолобино, но какие-то неповоротливые – любого можно было легко прихлопнуть. Вот змеи – совсем другое дело, после того инцидента с удавом он постоянно был настороже.

Закончив свои дела, он подтерся листьями и поднялся, опираясь на ветку. Ветка внезапно ожила, начала изгибаться, и Килиан почувствовал, как сердце уходит в пятки. Присмотревшись, он заметил голову с раздвоенным языком. На автомате, не понимая, что делает, Килиан застегнул ширинку и отступил. Потом повернулся и побежал.

Вскоре он понял, что идет не туда. Выругался и пошел назад по своим следам. Внезапно до ушей донесся чей-то голос. Он прислушался и узнал голос Грегорио. Килиан вздохнул с облегчением: напарник знал местность, как свои пять пальцев. Он ринулся сквозь просвет:

– Грегорио! Ты не поверишь, но я... – И застыл как вкопанный. Грегорио, стиснутый черными ногами, постанывая, трахал кого-то.

Женская рука указала на Килиана, Грегорио обернулся и выругался.

– Нравится смотреть, что ли? – рявкнул он, вскакивая на ноги.

Увидев сперму, стекавшую между худых ног, Килиан покраснел. Женщина осталась на земле, на оранжевом клоте, совершенно голая, рядом валялась пустая корзина. Присутствие Килиана ее не смутило – она улыбалась. Килиан узнал негритянку – он видел ее на плантации.

– Простите, – начал извиняться он. – Я не думал вам мешать...

– Но ты *помешал!* А я еще не кончил!

Грегорио жестом велел женщине подняться. Та встала и обернула ткань вокруг бедер, потом подобрала корзину и, уже собираясь уходить, протянула мужчине руку.

– Дай мне то, что должен.

– Не в этот раз, – огрызнулся Грегорио. – Я не кончил, поэтому не считается.

Он жестом велел ей уходить.

– Ты не давать мне деньги? – Женщина смерила его раздраженным взглядом.

– Уходи. Сегодня ничего не получишь. Завтра придешь.

Женщина скрипнула зубами и в гневе удалилась. Грегорио подобрал с земли пробковый шлем, отряхнув и водрузил на голову.

– Ну ты и козел, – прошипел он.

Килиан сжал кулаки и молча последовал за ним. На него накатила новая волна зуда, и он начал яростно чесаться. Брат прав: пора очнуться.

Как и было запланировано, вечером они собрались проводить Дамасо, спокойного пожилого мужчину с мягкими чертами лица. Он возвращался в Испанию, после того как тридцать лет прослужил в колонии врачом. Народу собралось много. С одной стороны расположились «старожилы»: Дамасо, Лоренцо Гарус, Антон, отец Рафаэль, служивший в деревеньке Саратоса, Грегорио и Сантьяго, еще один бригадир. По другую сторону сидела молодежь: Мануэль, который уже собрался переехать в дом доктора, Хакобо, Килиан, Матео и Марсиал. Пока накрывали на стол, старшие предавались воспоминаниям о первых годах жизни на острове – чинная беседа по всем правилам.

Управляющий предложил Дамасо сказать несколько слов в напутствие остающимся. Килиан почти не слушал: частично из-за щедрых порций «Аспиликүэта Рьоха», шикарного вина, выставленного Гарусом, частично из-за зуда. Но он присоединился к аплодисментам. По мере того как подливали вино, голоса делались громче.

– Ты со всеми попрощался? – прищурившись, спросил Матео, маленький и жилистый мадридец; его тонкие губы под острым носом и щеточкой усов всегда были готовы расплыться в улыбке.

– Думаю, да, – ответил Дамасо.

– Точно? – усмехнулся Марсиал, вечно лохматый увалень под два метра ростом с руками-лопатами; он работал в Йакате вместе с Хакобо.

Доктор с улыбкой покачал головой.

– Все, кто для меня важен, собрались за этим столом.

– Если так, значит, так, – примирительно произнес Сантьяго, примерно ровесник Антона, парень с жидкими волосами и бледным, не тронутым загаром лицом.

– А мне кажется, я знаю кое-кого, кто сегодня ночью очень огорчится, – встрял Хакобо, и молодежь расхохоталась – все, за исключением Килиана.

– Хватит, Хакобо! – прикрикнул на сына Антон, с опаской покосившись на отца Рафаэля. Хакобо поднял руки и с невинным видом пожал плечами.

– Не будьте таким дерзким, юноша! – погрозил пальцем доктор. – Пусть тот, на ком нет греха, первый бросит камень. Так ведь, отец Рафаэль?

Вся компания снова рассмеялась. Отец Рафаэль, дружелюбный круглолицый мужчина, заметно покраснел.

– Разумеется, речь не о вас, падре, – поспешил уточнить Дамасо. – Я просто цитирую Библию. Эти молодчики, – он покачал головой, – полагают, что все мы слеплены из одного теста.

– И посмотрите, куда это их завело, – вскинулся отец Рафаэль. – Я не устану повторять, что чем дольше мужчина обходится без женщин, тем лучше для него самого, его здоровья и кошелька. Но мои слова – что глас вопиющего в пустыне на этой грешной земле. – Он вздохнул и поглядел на Килиана. – Будьте осторожны в выборе компании, юноша. Я про этих молодых негодяев говорю, – добавил он, подмигнув, что вызвало новый приступ хохота.

– Ну что ж, не пора ли на боковую? – Дамасо уперся ладонями в стол и поднялся. – У меня впереди долгий путь.

– Да, я тоже пойду, – поддержал его Антон, позевывая.

Братья переглянулись, подумав об одном и том же. Последнее время отец постоянно был усталый, под глазами пролегли тени. А ведь раньше он никогда не болел, возвращался домой из Африки и работал в поле, как будто и не уезжал.

«Ему нужно выбраться в отпуск, – подумал Килиан. – Или уйти на пенсию и покинуть колонию, как Дамасо».

Старый доктор с каждым обменялся крепким рукопожатием, а затем направился к двери вместе с Гарусом, Антоном, Сантьяго и отцом Рафаэлем. Хакобо тоже ушел, предупредив, что скоро придет. Но не успела за ними закрыться дверь, как Дамасо вдруг вернулся и обратился к Мануэлю:

– Да. Можно дать тебе еще один совет? – Мануэль кивнул. – Это связано с зудом у Килиана. – Доктор сделал паузу, словно хотел убедиться, что его слушают. – Силицилово-йодистая настойка! – произнес он с театральным пафосом.

Глаза Килиана расширились, Мануэль поправил очки и благодарно улыбнулся, подыгрывая Дамасо.

– Пусть натрет все тело на ночь, – добавил доктор, – и все как рукой снимет. Ну, всем приятных сновидений!

– Доброй ночи и легкой дороги, – подхватил Хакобо, вернувшийся с бутылкой виски, которую привез из города. – Мы тут выпьем еще за ваше здоровье, если вы не против.

Дамасо по-дружески хлопнул его по спине и вышел, вспоминая, очевидно, как много ночей провел вот так же.

Хакобо попросил Симона принести стаканы, и Килиан наконец узнал, кто именно будет так сильно переживать из-за отъезда врача. Регина, его подруга последних десять лет.

– Подруга? – проямлил он. – У него что, нет семьи в Испании?

– Именно потому, что есть, – Марсиал подлил ему виски. – Но Испания так далеко...

Килиан припомнил о том, что видел сегодня на плантации, и разговор с братом в пикапе.

– Да, без сомнения, девушки скрашивают нашу жизнь на острове, – поднял стакан Хакобо. – Выпьем за них!

Все выпили, и Килиан спросил:

– А что теперь будет с Региной?

– Что будет? – отозвался Марсиал, воюя с пуговицами на рубашке: вентилятор на потолке совершенно не приносил свежести. – Погрустит пару деньков, а потом найдет себе кого-нибудь

еще. Они всегда так делают. Хотя, конечно, ей есть о чем грустить, – добавил он, почесывая ухо. – Ведь она десять лет жила как госпожа. Дамасо был рыцарем, такого и не найдешь.

Килиан созерцал янтарную жидкость в своем стакане. Рыцарь... Десять лет провел с другой женщиной, и теперь вернется в объятия жены, как ни в чем не бывало.

Мануэль исподтишка наблюдал за Килианом. Он мог представить, какие мысли роятся в голове молодого парня, воспитанного в традиции, где адюльтер приравнивается к преступлению. Здесь же секс считался самым обычным делом, как почистить зубы. К таким правилам мужчины привыкали быстро, взять хотя бы брата Килиана. Сам Мануэль, в отличие от приятелей, вел скромную жизнь. В конце концов, у всех свои привычки и потребности.

– А что бывает с детьми, родившимися от этих отношений? – поинтересовался Килиан.

– Таких мало, – потрянул головой Хакобо.

– Это верно. Цветные знают, как этого избежать, – добавил Грегорио.

– Ну нет, это не так, – резко оборвал его Мануэль. – Просто вы этого не замечаете. Откуда, по-вашему, взялись все эти мулаты Санта-Исабель?

Матео и Марсиал переглянулись и опустили головы, а Хакобо воспользовался паузой, чтобы наполнить стаканы.

– Килиан, обычно дети живут с матерями, а те получают финансовую помощь. Я могу припомнить всего лишь пару случаев, когда детей-мулатов признавали отцы и даже отправляли учиться в Испанию.

– А белый мужчина когда-нибудь женился на чернокожей женщине?

– Не припомню. Но если бы кто-то попытался, то этого чудика вынудили бы вернуться в Испанию.

– Что за чушь! Кому вообще нужно жениться на чернокожих? – хмыкнул Грегорио.

– Смысла никакого, – подтвердил Марсиал, откидываясь на спинку стула. – Они и так дают до похода к алтарю.

Хакобо, Матео и Грегорио понимающе улынулись, Мануэль поморщился, а Килиан промолчал.

Грегорио пристально посмотрел на него.

– А что это тебя так заинтересовал этот вопрос? Хочешь попробовать?

Килиан продолжал молчать.

– Отстань от парня, Грегорио! – вмешался Матео, коснувшись руки мужчины.

Тот покосился на него и наклонился вперед.

– Или ты считаешь, Килиан, что твой отец святой? За те годы, что он провел в Фернандо-По, у него должно быть с десяток «минингас», если не больше.

– Грегорио! – более настойчиво произнес Матео, заметив, как побледнел Хакобо.

Одно дело – пошутить, другое – злонамеренно солгать. Антона все знали слишком хорошо, да и мужские разговоры должны иметь рамки дозволенности. Эти правила на острове никто не отменял.

– Возможно, твои братишки-сестрички сейчас бегают по острову, – продолжал Грегорио, мерзко ухмыляясь. – Что бы твоя мать сказала на это?

– Хватит! – рявкнул Хакобо. – Следи за языком! Слышал меня? Это ложь, и все это знают!

– Ладно, расслабься! – бросил Грегорио. – Насколько я знаю, Антон такой же мужчина, как и все остальные.

– Гораздо более, чем ты! – взорвался Мануэль.

– Не зли нас, – пригрозил Матео, поглаживая усы.

– Да это просто шутка, парни, – пошел на попятную Грегорио.

Килиан болтал виски в стакане, потом поднял глаза и ледяным тоном произнес:

– Еще раз оскорбишь мою семью или меня – пожалеешь!

Грегорио фыркнул, поднимаясь.

– У тебя тоже плохо с чувством юмора?

– Хватит, Грегорио! – отрезал Мануэль.

– Да, хватит, – повторил Марсиал, тоже поднимаясь.

– У вас, братья Рабалтуэ, неплохая охрана, – сказал Грегорио. – Но помните: наступит день, когда вас некому будет защитить.

Хакобо шагнул к нему и схватил за руку.

– Угрожаешь нам?

Грегорио вывернулся и вышел, хлопнув дверью.

– Не обращай на него внимания, – сказал Марсиал Килиану. – Раньше он таким не был. Кто знает, отчего у него испортился характер. А так – собака лает, ветер носит.

– Ясно, – тихо ответил Килиан, – но безнаказанным он ушел в последний раз.

Вечером в пятницу Иеремия передал через Симона записку, в которой содержалось приглашение на ужин в дом Хулии. Но Килиан ждал до самого утра субботы, прежде чем рассказать об этом Хакобо. В шесть он спустился во двор, где черные работники выстроились за еженедельным жалованьем. Подходили по одному, получали деньги и оставляли отпечаток пальца в списке. Эта заняло два часа. Килиан заметил, что в очереди рабочие полировали зубы маленькими щеточками из корней растений, что делало их улыбки ослепительными.

Покончив с выплатой жалованья, он разыскал брата и передал ему записку Хулии.

– Умно! – хмыкнул он. – Прислала приглашение тебе, чтобы мы точно пришли. Можно было выбрать любой день – но нет! Она выбрала субботу!

– А что, есть разница?

– Субботний вечер священен для всех, Килиан. Взгляни на людей. Как они рады! Получили деньги, и часть сегодня спустят в Санта-Исабель.

– Так мы поедем или нет?

– Конечно, поедем, а что делать. Ладно, иди заканчивай работу. Надо на неделю списки бригад составить. Тебя уже Грегорио заждался, сегодня он просто душка.

Увидев Килиана, Грегорио поднялся и, стараясь не встречаться с ним взглядом, бросил:

– Ты тут сам справишься, Нельсон тебе поможет.

Списки бригад составлялись в присутствии работников – на бумагах тоже надо было поставить подпись в виде отпечатка пальца. В помощь Нельсону Килиан позвал Симона. Паренек, как всегда, был одет в бежевую рубашку с коротким рукавом и шорты, на ногах – кожаные сандалии. Глаза его сияли вечным азартом и подмечали каждую мелочь вокруг.

Прозвучало очередное имя, и вместе с вызванным встал еще один мужчина, который начал что-то злобно выговаривать.

– Что случилось, Нельсон?

– Он говорит, что Умару ему должен, – вместо Нельсона ответил Симон.

Умару? Имя показалось Килиану знакомым. Он присмотрелся и узнал парня, просившего хинин.

– Почему ты ему должен?

Симон перевел, а сам Килиан понял по жестам парня, что он не собирается ничего отдавать, чем еще больше разозлил мужчину. Остальные рабочие молча слушали перепалку.

– Икон предложил ему услуги своей жены. Тот согласился, а теперь не хочет платить, – сказал Нельсон.

Килиан моргнул и плотно сжал губы, чтобы не улыбнуться.

– То есть Икон одолжил ему свою жену? – Он с интересом взглянул на мужчину. Тот был довольно красив – хорошо сложен, среднего роста, с короткой стрижкой, высокими скулами и ямочками на щеках.

– Так и есть, – подтвердил Нельсон, не моргнув глазом. – Умару холостяк. Холостякам тоже нужны женщины, а женатые мужчины пользуются этим, если их жены не против. И теперь Икон ждет своих денег.

– Деньга, деньга, масса, – закивал Икон.

– Никакой деньга, масса, никакой деньга, – затараторил Умару.

Килиан вздохнул. Он ненавидел быть третейским судьей, но без вмешательства этот спор никогда не закончится.

– Свидетели есть? – спросил он.

Нельсон громко перевел вопрос, и вперед выступил гигант с огромными ручищами.

– Моей говорит, что видел их в лесу. Дважды.

Килиан улыбнулся. Он был рад, что не единственный оказался в щекотливом положении, застав Грегорио с дамой. Попросил дать ему конверты с жалованьем, узнал сумму, вынул ее из конверта Умару и прибавил к жалованью Икона.

– Разговор окончен. – Он передал оба конверта работникам к негодованию одного и радости другого, а потом повернулся к Симону: – Согласен?

Юноша кивнул, и он вздохнул с облегчением.

– Дело закрыто.

В семь часов, когда спускались сумерки, Килиан и Хакобо забрались в пикап и поехали в город.

– Напомни Вальдо сделать, как я сказал! – крикнул Хакобо Иеремии на воротах.

– А что он должен сделать? – поинтересовался Килиан.

– Так, мелочь.

По дороге в Сарагосу Килиан заметил множество рабочих, бредущих с ботинками в руках, явно в хорошем настроении. Они сменили грязную одежду на длинные брюки и белые рубашки.

– Куда это они? – спросил он брата.

– На автобусную остановку. Поедут в Санта-Исабель, чтобы отпраздновать.

– А ботинки зачем сняли? Чтобы не испачкать?

– Чтобы не износить. Они стараются на всем экономить, – он усмехнулся, – но сегодня вечером просядут большую часть выручки на алкоголь и женщин. Кстати, ты уже не так чешешься!

– Похоже, притирка Дамасо работает. Мне ее Мануэль приготовил.

– О! – воскликнул Хакобо. – Опыт решает все!

Килиан кивнул.

– Хакобо, как думаешь, не следует ли папе вернуться домой? – спросил он после паузы. – Отец с каждым днем все сильнее устает. Даже на ужин с нами не поехал, хотя его тоже пригласили.

– Да, согласен. Но он такой упрямый! Я столько раз поднимал эту тему, но папа все время говорит, что знает, что делает, и что в его возрасте уставать – это нормально. Он даже не дал Мануэлю себя осмотреть. Так что не знаю...

Братья припарковали пикап у входа в магазин Рибароса, поднялись по ступенькам и постучали. Спустя всего пару секунд Хулия распахнула дверь настежь и, щебеча, повела их в большую уютную комнату, служившей одновременно и гостиной, и столовой. Килиан блуждал взглядом по стенам, украшенным африканскими пейзажами, красным деревянным копьём длиной два метра и большими раковинами. На открытой полке лежал слоновий бивень, и повсюду были расставлены фигурки из эбенового дерева. Главным напоминанием о Европе был приемник «Грюдинг», а на журнальном столике возле дивана лежали несколько выпусков

«Ола!» и «Ридерс Дайджест». Здесь же стояла фотография Пасолобино в рамке, заставившая Килиана улыбнуться.

Хулия предложила братьям популярный островной напиток *контрити*, пока повар с двумя помощниками заканчивали сервировать стол. Им подали *фритамбо*, жаркое из антилопы, которое очень понравилось Килиану.

– В следующий раз, когда вы зайдете, я приготовлю вам что-нибудь из наших блюд, – сказала Дженероса, мать Хулии, крупная женщина с нежной кожей и волнистыми волосами до плеч. – У меня есть запасы из Пасолобино, ведь мы не теряем связь.

Родители Хулии (отца звали Эмилио) оказались простыми и радушными людьми. Они долго разговаривали. Хозяева хотели знать, как идут дела в Испании, и Килиан снова пересказал все новости Пасолобино. Дженероса напомнила ему собственную мать, хотя Марианна была молчаливой.

Эмилио, тихий, приятный в общении, хорошо воспитанный человек, от которого Хулия унаследовала ясный взгляд, постоянно улыбался. Он спросил про их отца, которого давно не видел, и, вздохнув, сказал, что Антон стал сдавать.

– Да и мы уже не те. А знаете, как мы были рады, когда впервые здесь оказались. Все было таким ярким, таким необычным! Но теперь дороги замостили, прорыли дренажные канавы... Теперь у нас всё, как в Пасолобино, – вода, электричество, телефон...

Килиан оценил шутку: было не сыскать двух настолько непохожих мест, как его родная деревня и Санта-Исабель. Европейцы, прибывшие из больших городов, может, и не заметили бы разницы, но Килиан, привыкший к деревенской грязи, заметил. Он понимал, почему Дженероса и Эмилио не захотели уехать отсюда. Они смогли дать Хулии отличное образование, подарили обеспеченную жизнь... Возможно, когда-нибудь и он сможет полюбить это место так же, как и ее семья, но сейчас он вздыхал, подмечая давящие на сердце детали: маленький алтарь Девы Марии де Гайанете, покровительницы их деревни, в углу комнаты, образ Мадонны де Пилар, почитаемой в Испании. А под воздействием выдержанного вина, которое Дженероса получила в качестве гостинца из Пасолобино, всколыхнулись воспоминания о праздниках дома.

Хулия все время ужина пыталась привлечь внимание Хакобо шутками и разговорами. Она принарядилась в желто-коричневое платье с коротким рукавом и собрала волосы в элегантный пучок, прическа ей шла. Килиану было обидно, что брат настолько черств, а ведь они могли быть прекрасной парой. Брат был в льняных брюках и белой рубашке, отеняющей загар. Оба молодые и улыбчивые. Но увы. Килиан сочувствовал Хулии, когда замечал надежду в ее взгляде, если Хакобо отвечал ей улыбкой или смехом.

Кофе пили на веранде, выходящей в сад позади дома. Было уже темно, и зажгли керосиновые лампы, вокруг которых тут же начали виться москиты. Ночь выдалась ясная, лунный свет разливался над кронами манго и авокадо. Приятно пахло цветами. Хулия предложила поиграть в карты, но ее родителям хотелось еще поговорить. Эмилио опасался, что свободолобивые веяния, распространенные в Бельгийском Конго и Кении, достигнут Гвинеи, чем поставят под угрозу его бизнес. Однако Дженероса уверенно и решительно свернула тему: ей это было неинтересно. Килиан был слегка разочарован, поскольку был бы рад рассказать о том, что узнал о движении мау-мау. Но если на то пошло, он не мог представить, что хорошо организованный колониальный мир в ближайшее время даст трещину.

Хакобо стал поглядывать на часы. Наверняка Матео и Марсиал проводят время с большим толком, читал Килиан в его взгляде. Все разрешилось ожидаемо: пришел мальчик и сообщил, что человек из Сампаки, Вальдо, приехал, чтобы забрать масса Килиана и масса Хакобо обратно на плантацию.

– Калабарас устроили вечеринку в бараках, – зачастил Вальдо так воодушевленно, что Килиану показалось, он переигрывает. – А потом началась поножовщина.

– Да они просто звери! – Дженероса перекрестилась. – Они точно из секты каннибалов. Вы слышали? На рынке говорят, что в Рио-Муни съели священника!

– О чем ты, мама?! – возмутилась Хулия, но Хакобо попросил Вальдо рассказывать дальше.

– Несколько человек ранено, – продолжил тот, – а рядом никого из белых, чтобы их урезонить. Даже нового врача!

Хакобо поднялся, попрощался за руку с Эмилио, поцеловал Дженеросу и Хулию и потянул за собой брата, который не переставал благодарить хозяев и заверять, что они придут еще. Хулия вышла проводить их до пикапа, стояла и смотрела, как они грузят велосипед Вальдо в кузов, затем с грустью во взгляде попрощалась. Хакобо рванул с места, но в несколько кварталах остановился, вылез, отдал Вальдо велосипед и передал несколько банкнот.

– Отлично сработано, парень!

Вальдо уехал, довольный легким заработком, а Хакобо, широко улыбаясь, вернулся в пикап.

– Ты негодяй! – с усмешкой выговорил ему Килиан.

– Добро пожаловать в субботнюю Санта-Исабель! – отвечал брат. – Анита Гуау, мы едем! Он втопил газ и понесся как сумасшедший, а Килиана захлестнуло веселье брата.

– И что за «ола-ола» у нас здесь?

Стоило братьям переступить порог танцзала, как женщина с пышными формами душевно поприветствовала их, протянув руку.

– Как давно вы здесь не были, масса Хакобо! А это, наверное, ваш брат? Заходите и развлекайтесь!

– Вижу, ничего не изменилось. Да, Анита? – Хакобо осмотрелся, взяв ее руку в свою, потом заметил друзей и махнул им. – Гляди, Килиан, даже Мануэль тут! Только вот Дика и Пао не вижу.

– Кого?

– Пару ребят с лесозаготовок из Ваты. Обычно они приезжают по субботам... что ж, выпью-ка я «Белую лошадь», мой любимый виски. Не поверишь, он здесь дешевле пива – вот оно, преимущество открытого порта!

Они подошли к бару, и Килиан отметил, что пьют в основном крепкие напитки. «Осборн», «Фундадор», «501», «Ветеране», «Трее Сепас»... «В любом из домов в Пасолобино такая бутылка стояла бы больше года, а здесь опустошается за несколько секунд», – подумал он.

Пока Хакобо заказывал виски, Килиан разглядывал танцпол. Он был под открытым небом во внутреннем дворе. За танцующими наблюдала ребятня, высипавшая на балконы соседних домов. Белые и чернокожие мужчины, подхватив черных женщин, одетых по европейской моде, двигались под музыку оркестра из шести человек, извлекавшего бойкие мелодии из барабанов, труб, ксилофона и похожих на тыквы маракасов.

Хакобо передал брату бокал и направился к столику, за которым расположились Мануэль и Марсиал в компании двух симпатичных негритянок. Они смеялись и показывали на Матео, который на танцполе пытался поспеть за партнершей вдвое крупнее его. Марсиал встал, чтобы принести братьям стулья. В наполовину открытом помещении витал запах табака, духов и пота.

– Позвольте представить вам Обу и Сад, – произнес Марсиал. – Они только что прибыли с континента. А это Хакобо и Килиан.

Девушки протянули руки. На миниатюрной Обе было желтое платье с пышной юбкой, завышенной талией с бантом впереди; кучерявые волосы собраны в пучок на европейский манер. Но Килиана больше привлекла Сад; она была высокого роста, и вид у нее был царственный. На руках блестели цветные браслеты, на шее – стеклянные бесы. Одета она была в бледно-розовое платье на пуговицах, с белой отделкой по вырезу и манжетами. Волосы заплетены в

многочисленные косички, создававшие затейливую мозаику на голове. Глаза у нее были большие, а губы – полные.

– Хотите потанцевать? – спросила Оба на превосходном испанском.

Марсиал и Хакобо согласились, все четверо отправились на танцпол. Мануэль отправился к бару за напитками, на полпути столкнувшись с Матео, который возвращался за столик в одиночестве. Килиан улыбнулся, отмечая реакцию Хакобо на многообещающие телодвижения Сад; Оба и Марсиал вообще смотрелись комично из-за разницы в возрасте.

– Ох, умираю! – Матео упал на стул, обливаясь потом. – У этих женщин внутри живет дьявол! А ты... ты почему не танцуешь? Просто пригласи одну из них!

– Я не очень люблю танцевать, – признался Килиан.

– Я тоже раньше не любил, но когда отдаешься ритмам дандана, джембе и бонго, чувствуешь себя другим! – Он рассмеялся, заметив удивление Килиана. – Видишь, я даже запомнил, как эти штуки называются. Поначалу они все тамтамы... – Матео потянулся за стаканом, осматриваясь в поисках новой партнерши. – Как же здесь сегодня здорово! Столько новых девушек!

Вернулся Мануэль с напитками.

– Ни за что не поверите! В баре Грегорио с Региной! Недолго же она тосковала! А вы о чем болтаете?

– О барабанах и девушках, – ответил Килиан. – Откуда они?

– Корисканки, нигерийки, фанг, ндове из Рио-Муни... – перечислял Матео. – Отовсюду понемногу...

– И буби?

– Буби – нет, – возразил Мануэль. – Если девушки буби теряют девственность, их наказывают.

– Какое смешение культур в одном месте! – Килиан отчего-то вспомнил историю с Умару. Интересно, он ходит сюда? Наверное, нет. – Значит, это то самое знаменитое место, которое развлекает унылую неделю?

– Не единственное, но лучшее, – объяснил Матео, поигрывая стаканом в такт мелодии. – Иногда мы ходим в «Рбьякамбу», за собором. Есть еще клуб «Фернандино», но мне он не нравится, потому что там девушки не такие раскованные. Фу ты, ну ты, прям дамы из общества – сама изысканность и скромность!

– Это эквивалент казино для белых, – рассмеялся Мануэль. – Туда ходит чернокожая элита, и там не поощряются танцы белых мужчин с чернокожими женщинами. Здесь же все иначе: на несколько часов мы все равны.

К столу вернулись Марсиал и Сад.

– А куда ваши партнеры делись? – поинтересовался Мануэль.

– Оба решила найти кого-нибудь под свои габариты, – пошутил Марсиал, опускаясь на стул, который аж заскрипел под его весом. – А Хакобо пошел встретиться со старой знакомой. Он сказал, что ты поедешь обратно с нами, Килиан. Да уж, твой брат времени даром не теряет! – добавил он, покачав головой.

Сад придвинулась к Килиану и беззастенчиво коснулась ладонью его бедра. Мужчины обменялись изумленными взглядами, а Килиан занервничал, почувствовав шевеление в штанах. Чтобы отвлечься, он выпалил:

– Я сегодня слышал, что местные съели священника. Какая-то запрещенная секта...

Матео и Марсиал покачали головой, а Мануэль и Сад расхохотались.

– Вы, белые, боитесь, что мы вас съедим? – воскликнула девушка. – И так обретем вашу силу?

Килиан нахмурился, а Мануэль пояснил:

– На континенте есть племена, которые едят горилл. Священник с бородкой-эспаньолкой, как у первых миссионеров, – разновидность гориллы. А еще они едят дипломатов...

Сад кивнула, краем глаза следя за Килианом, который покраснел и залпом осушил стакан.

– Парни, парни! Гляньте, кто пришел! – вдруг встрял Марсиал, привлекая внимание остальных к поистине исполинских размеров женщине в сиреновом платье и на огромных каблуках. – Вот это точно мой размерчик!

Он направился было к красавице, но остановился на полпути. Другой, не менее крупный мужчина предложил ей руку и вывел на танцпол. Марсиал, вздохнув, развернулся и вернулся к столику.

– Это же гигант Моей Египтянин? – посочувствовал Матео.

– Да понял я, понял. Ничего уж не поделаешь. Пойду выпью еще.

Сад настойчиво потянула Килиана за руку.

– Пойдем танцевать.

Килиан позволил вытащить себя на танцпол. Он был рад, что оркестр заиграл «бегин» – медленную румбу. Девушка прижалась к нему, гипнотизируя взглядом, а Килиан был сильно смущен этим. Он ощущал смешанное чувство страха, любопытства и желания. Его прошлый опыт такого рода был связан с публичным домом в Бармоне, куда брат отвел его после ярмарки, чтобы «сделать мужчиной». Затем были мимолетные романчики с девушками, работавшими в домах Пасолобино и Корбеане. Он вспомнил слова Хакобо после первого – увы, неудачного, – раза: «Женщины – как выпивка. Сперва трудно, но когда распробуешь – начнешь ценить».

Со временем Килиан понял, что частично Хакобо был прав, но в отличие от брата он не стремился искать наслаждений слишком часто. Ему нужно было взаимопонимание, пожалуй, даже некое родство душ, пусть и краткосрочное. И эта Сад точно знала, как его увлечь. Было полное ощущение, что ей и правда хочется проводить время именно с ним.

Килиан почувствовал зуд между ног.

– Если хочешь, мы можем отойти, – нежно шепнула девушка.

Они покинули клуб. Рука об руку шли по тихой улочке, пока не достигли ее конца, где дома заканчивались и расстился ковер зелени. Сад уверенно вела его в густые заросли, где в неверных тенях – Килиан слышал это, – прятались парочки, пока не нашла укромного местечка. Негритянка поглаживала его тело опытной рукой, направляя его собственные руки, куда полагалось, шептала возбуждающие слова на родном языке. Ощувив, что партнер «готов», она легла на землю и раздвинула ноги. Килиан вошел в нее со смешанным чувством стыда и желания. Ни говоря ни слова, он совершал движения, пока не кончил. Ток пронесся по венам, и, скатившись, он несколько минут лежал на земле, пока Сад не дотронулась до его плеча, предлагая подняться. Оба оделись. Килиан пребывал в замешательстве: он все еще не мог прийти в себя от того, что произошло. Сад понимающе улыбнулась, взяла за руку и отвела обратно в клуб. Возле бара они попрощались.

– Буду рада новой встрече! – игриво подмигнула девушка.

Килиан кивнул и заказал себе выпить. Постепенно он отдышался, но не сразу присоединился к друзьям: нужно было еще время. Если они могли говорить о таких вещах, как о чем-то обыденном, то он – нет, но еще больше не хотелось стать объектом для шуточек. Он знал, что все в его окружении: от Хакобо до Мануэля (хотя последний и в меньшей степени) ценили «преlestи острова». А теперь и он перестал от них отличаться. Как все быстро и просто! У Килиана кружилась голова. Увидит ли он еще Сад? Станет ли она его *подругой*? Но они даже парой слов не обменялись! Он не знал ничего о ней, о ее целях в жизни, о ее семье – братьях и сестрах, родителях... Все случилось слишком быстро. Чего она ждала от него? Сказала, что рада с ним снова увидеться... Он будет платить ей еженедельно за «оказание услуг»? Так это

работает? Его мучили угрызения совести. Лучше всего будет не возвращаться в клуб какое-то время, а там как пойдет.

Решено.

Килиан пригладил волосы, допил виски и вернулся к столику, делая вид, что ничего не произошло.

– А где же Сад? – В глазах Матео плескалось любопытство.

Килиан пожал плечами.

– Она меня бросила.

– Ах, бедняга! – Марсиал поцокал языком, а потом махнул рукой. – Ну, в другой раз.

Мануэль внимательно всматривался в лицо Килиана, понимая, что парень лжет. Но почему? Наверное, хочет найти девушку своей мечты, что довольно трудно сделать в этом греховном раю.

– Пожалуй, я вернусь в Сампаку, – произнес доктор, вставая. – Ты со мной, Килиан?

Тот сразу согласился.

По дороге назад они в основном молчали. Уже лежа в постели Килиан не мог сомкнуть глаз. А когда все-таки заснул, слышал стоны, доносившиеся из комнаты брата. Как ни странно, ему стало легче. Они с Сад хорошо провели время... Именно – *провели время*. И это все. За этим ничего не стояло.

На следующее утро Килиан в одиночестве пил кофе в столовой. Вскоре зашел зевающий Хакобо. Заметив брата, он произнес:

– Привет, малыш! Ну как? Ничего общего с девушками из Пасолобино и Бармона?

– Да, – тихо подтвердил Килиан. – Ничего общего.

– Прошлая ночь была моим подарком тебе, – шепнул Хакобо, наклонившись к его уху. – И не благодари. Захочешь еще – можешь съездить сам. – Он нацедил себе кофе, громко зевнул и добавил: – Идешь на утреннюю службу? К счастью, она не на латыни.

Глава 5

Дело закрыто

Через пару дней управляющий отправил Килиана и Грегорио в магазин Рибароса забрать заказанные товары. От Антона Лоренцо Гарус слышал, что у Килиана с напарником не складываются отношения, и он решил, что контакт вне плантации им не помешает. Гарус много лет знал Грегорио и не считал его опасным человеком (разве что немного грубым), но был уверен, что Грегорио умеет заставить людей подчиняться. Также, по его мнению, Грегорио был прекрасным «фильтром» для проверки молодых работников. Поработав с ним, новички или уезжали из колонии, или привязывались к острову если не навсегда, то надолго. От Килиана Гарус ожидал привязанности.

Всю дорогу до города Килиан молчал, и не только потому, что сказать было нечего, – просто Грегорио заставил его сесть за руль. Все внимание было сосредоточено на том, чтобы справиться с тяжелым грузовиком и не дать повода придирааться. Он старался вести «студебеккер» так ровно, как только умел (особенно трудно это было сделать на проселке).

В магазине их встретила сияющая Хулия. Ее вообще было трудно представить без улыбки. Но на самом деле она была огорчена. Ужин превзошел все ее ожидания, но после этого она не видела Хакобо. Она специально посетила самые популярные (в ее представлении) уголки Санта-Исабель, отсидела полуденную воскресную службу в соборе, заглянула в «Чирингито» на Пласа-де-Эспанья, надеясь, что столкнется с ним, но тщетно. Зато два часа, проведенные в обществе Хакобо, пока его младший брат развлекал разговорами родителей, она пребывала на седьмом небе. Завидев Килиана на пороге с Грегорио, она слегка растерялась, но это не уменьшило ее улыбки. Сам Килиан был рад снова увидеть девушку, хотя и чувствовал вину за обман, придуманный Хакобо.

– Для вас все готово, – сообщила Хулия. – Отец проверяет последние ящики. Но лучше бы подогнать машину поближе.

– Что ж, Килиан, – распорядился Грегорио. – Сегодня ты за рулем.

Килиан заметил, что девушка поморщилась, услышав насмешливый тон, но все-таки вышел.

– Так вы разрешили субботний конфликт? – как бы между делом спросила она.

– Субботний конфликт? – нахмурился Грегорио.

– Да. Поножовщина у вас в Сампаке с множеством раненых...

– Кто это тебе сказал?

– Паренек, который приезжал за Хакобо и Килианом.

– Ничего такого у нас на плантации не случилось! – рассмеялся Грегорио, покачивая головой.

Хулия непонимающе моргнула.

– Но...

– Я видел Килиана и Хакобо в «Анита Гуау» в одиннадцать вечера, – заявил мужчина. – Все парни из Сампаки там были, причем в таком цветнике...

Хулия покраснела и сжала зубы, подбородок задрожал от гнева. Вот как... Хакобо обманул ее и родителей!

Она была уверена, что подходит ему. Детство оба провели в Пасолобино, а отрочество – здесь, в Африке. Неужели он не понимает, что они будут хорошей парой? Да, это верно, он все время искал повода, чтобы поговорить не с ней, а с кем-то другим. Тем не менее ему нравилось быть с ней, она в этом не сомневалась. Хакобо всегда смеялся ее шуткам, не сводил с нее своих чудесных зеленых глаз! И руки их касались друг друга по меньшей мере трижды.

Хулия была совершенно раздавлена, а Грегорио продолжал наседать. Сделав вид, что с интересом разглядывает какие-то вещицы на полке, он тихо произнес:

– Про Килиана не знаю, а вот Хакобо, тот стал настоящим «минингеро». Не сомневаюсь, скоро он и брата этому научит. – Последовал шумный вздох. – Молодежь никогда не слушает старших, а переизбыток алкоголя и женского общества – гремучая смесь. Что ж, так бывает. – Он поднял взгляд и улыбнулся; Хулия была готова разрыдаться. – Не они первые, не они последние.

Вошел Эмилио, а вслед за ним и Килиан. Девушка, кусая губы, отвернулась.

– Грегорио! – Эмилио протянул руку. – Сколько же мы не виделись! Как дела? Ты что, совсем из джунглей не вылезашь?

– Нечасто, Эмилио, нечасто, – Грегорио тепло пожал протянутую руку. – Все какие-то дела находятся. Я только по субботам в город наведываюсь, ты же знаешь...

Хулия резко обернулась. Ей не хотелось, чтобы отец услышал то же самое, что пришлось услышать ей.

– Папа, я не могу найти болты нужного размера, – сказала она, передавая отцу образец. – Можешь посмотреть на складе?

– Да, конечно.

На Килиана она даже не взглянула, а Грегорио продолжил экзекуцию.

– Надеюсь, я тебя не сильно расстроил? – шепнул тот девушке.

– Ты – меня? – фыркнула она. – Думаете, белые женщины не знают, как вы проводите время? Мы не дуры.

– Прошу прощения, что влез не в свое дело, – Грегорио скривил губы в наигранном смятении. – Не надо мне было говорить, тем более что это никакой не секрет.

Кулаки Килиана сжались, он догадался, что произошло, и хотел врезать мерзавцу, но тут снова появился Эмилио. Мужчины коротко переговорили и попрощались; на лице Грегорио играла победная улыбочка.

Проводив посетителей, Эмилио поинтересовался:

– Что с тобой, дочка? Ты неважно выглядишь.

– Все нормально, папа, – попыталась улыбнуться Хулия, внутренне сгорая от ярости. Ну ничего, она еще заставит Хакобо заплатить за ложь!

Снаружи Килиан дал волю своему гневу.

– Доволен собой, Грегорио? – прошипел он. – И чего ты добился?

– А ты мне не выговаривай, – презрительно бросил тот. – Что, на воре шапка горит?

– Да за такое морду бьют!

Грегорио упер руки в бока. Килиан был на полголовы выше, но сам он – физически сильнее.

– Давай, рискни! Или кишка тонка? – Он толкнул парня. – Докажи, какие вы, горцы, смельчаки!

Килиан схватил Грегорио за запястья и, напрягая мышцы, сдавил со всей силы. Увидев удивление в глазах мужчины, с отвращением выпустил. Забрался в кабину грузовика и завел мотор. Когда все ящики были загружены, он рванул с места так, будто управлял машиной с рождения.

Еще через пару недель начался март, самый жаркий из месяцев и последний перед сезоном дождей. Шоколадные деревья на плантациях начали покрываться мелкими желтыми, розовыми и красноватыми цветками. Напитанные влажностью последующих месяцев, эти нежные цветки должны были превратиться в стручки, наполненные бобами. Но было и много пустоцветов, а когда пустоцветов было слишком много, год считался убыточным.

Дни протекали спокойно. Работа была монотонной и однообразной. Все знали свое дело: кто чинил дома, кто заботился об урожае, кто готовил склады и сушильни к сбору какао в августе. Килиан привык к этой рутине. После разборки у магазина, про которую он не рассказал никому, даже брату, Грегорио стал осторожнее. Он не особенно учил его чему-то, но уже и не придирался. Однако Килиан держал с ним ухо остро.

Пару раз Килиан приезжал в «Анита Гуау» и видел там Сад, но не проявлял к ней интереса. Как и она к нему – кавалеров у нее было хоть отбавляй. Гораздо чаще Килиан ходил в кино с Мануэлем в «Марфиль», или же они просто болтали на выходящей к морю террасе, где в сумерках носились огромные летучие мыши.

Однажды утром, когда Антон и Хосе рассказывали Килиану о тонкостях работы в сушильне, пришел Мануэль и показал открытку.

– Гляди, Килиан. Мои старые приятели из больницы в Санта-Исабель приглашают на званую вечеринку в казино в субботу. Надеюсь, ты тоже придешь. И остальных я тоже позову.

– Вечеринка в казино? – переспросил Антон. – Такое нельзя пропустить! Там будет вся островная элита! Обычно работникам плантации такой шанс редко выпадает.

– С радостью! – Глаза Килиана вспыхнули. – Но что туда нужно надеть? У меня и костюма-то подходящего нет.

– Хватит пиджака с галстуком, – улыбнулся Мануэль. – В приглашении сказано: смокинг необязателен.

– Я одолжу тебе галстук, если своего нет, – хлопнул сына по плечу Антон.

Мануэль пообещал заехать в обед, и экскурсия по сушильне продолжилась. Антон поднимал крышки над гигантскими поддонами, где вскоре будет обжариваться какао, и Килиан видел, что ему нелегко. Когда Хосе отошел, он обратился к отцу:

– Пап, я хочу с тобой поговорить...

– Да? – поднял на него глаза Антон.

– В общем, мы с Хакобо думаем, что тебе стоит вернуть в Испанию. Ты можешь не соглашаться, но мы же видим, как ты устал. Это на тебя не похоже. Почему ты не сходишь к врачу? – Отец молчал, и он продолжил: – Если дело в деньгах, то ты знаешь, что мы с братом зарабатываем достаточно, чтобы покрыть все расходы, больше даже... Да и когда ты последний раз видел маму?

Антон слабо улыбнулся, потом окликнул Хосе:

– Слышал, что сказал Килиан? То же, что и вы с Хакобо. Вы что, сговорились?

Хосе расширил глаза, изображая неведение.

– Откуда мне знать, о чем вы говорили, Антон? – Обращение «масса» он опустил – отец не позволял своему верному многолетнему другу называть себя так.

– Да все ты знаешь, старый негодяй! Вы все хотите от меня избавиться!

– Для твоего же блага, папа, – настаивал Килиан.

– Твои сыновья правы, – вздохнул Хосе. – Сам подумай, сможешь ли ты пережить следующий сбор урожая? Поедешь домой, врачи в Испании пропишут тебе что-нибудь, что улучшит твое здоровье.

– Врачи лечат от одного, а умираем мы от другого!

Килиан открыл было рот, чтобы возразить, но Антон вскинул руку.

– погоди, сынок. Я вчера разговаривал с Гарусом... После урожая, на Рождество, я поеду домой. Не хотел говорить вам, пока это было не точно. Отдохну, а когда вернусь, буду работать в офисе... Все будет зависеть от моего состояния, конечно.

Килиан был бы рад, если б отец навсегда распрощался с колонией, но не стал настаивать. Может, приехав в Испанию, он передумает. К тому же он привык к физическому труду и едва ли сможет найти себя в качестве «массы-клерка», как звали здесь тех, кто сидел в конторе.

Впрочем, отец все равно поступит так, как сочтет нужным, к мнению других он никогда не прислушивался.

– Ну, теперь я спокоен, – признался Килиан, – хотя до Рождества еще далеко.

– Как только сушильни заработают, сынок, время полетит незаметно. Не успеешь оглянуться, как услышишь рождественские гимны! Так, Хосе?

– Все верно.

– Мы с тобой тонны прожарили и отгрузили за эти годы.

Килиан обожал слушать рассказы о давних временах, восходящих к началу века. Он с трудом мог представить Санта-Исабель, застроенный хижинами из бамбука, улицы, покрытые рыжей пылью вместо асфальта... Хосе со смехом вспоминал свое детство, когда белые господа, приехавшие сюда, потели во фраках.

– Масса Килиан, знаете, когда я родился, в Санта-Исабель не было ни одной белой женщины!

– Как так?

– Несколько жили в Бесиле, с мужьями-колонистами. И жизнь у них была очень тяжелая... Но в городе не было ни одной.

– Когда раз в три месяца к Фернандо-По подходило средиземноморское судно, все магазины закрывались, – добавил Антон. – А как же! Все бежали в порт узнать новости из Испании.

– И белые должны были обязательно возвращаться в Испанию каждые два года. Иначе им было не выжить в тропиках: они все быстро умирали. Мало кто пережил те времена. Но сейчас все по-другому...

– Верно, Хосе, – кивнул Антон, – мы многое повидали. Времена изменились, с тех пор как я жил здесь с Марианной.

– И многое еще изменится, Антон, – добавил Хосе, покачав головой. – Много изменится!

В субботу Килиан нарядился в светлый костюм, который Симон предварительно отгладил, повязал узкий галстук и зачесал волосы назад с помощью геля. В зеркале он едва себя узнал. Настоящий франт! В Пасолобино ему не приходилось так наряжаться. Там в его распоряжении был лишь темный костюм для «выхода в свет», когда случалась свадьба у кого-нибудь из кузенов или знакомых. В этом же костюме он ходил на похороны.

Ровно в семь Мануэль, Хакобо, Килиан, Матео и Марсиал отправились на вечеринку.

– Как же вы проживете без «Анита Гуау»? – пошутил Килиан по дороге.

– Нужно открывать новые горизонты, – засмеялся Хакобо. – Не каждый раз выпадает шанс поехать в казино. К тому же, если будет скучно, мы уйдем. В образе «ньянга-ньянга» мы везде будем иметь успех!

Все рассмеялись. Килиан не понял, но ему объяснили, что «ньянга-ньянга» у «дикарей» означает «элегантный».

Казино находилось в Пунта-Кристина, в тридцати метрах над уровнем моря. Первое, что бросилось в глаза, – огороженный сеткой теннисный корт и большой бассейн, выложенный по кругу черно-белым кафелем, с двумя досками для прыжков в воду. С террасы открывался великолепный вид на подковообразную гавань с множеством стоящих на якоре лодок.

Из всей компании Мануэль единственный бывал тут раньше, и он уверенно повел друзей на звуки музыки. Они зашли в вестибюль, пересекли гостиную, где весело болтали гости, и вышли на просторную террасу, откуда можно было спуститься в танцзал, по периметру которого стояли столики. На сцене оркестр, довольно большой по составу, играл приятную фоновую музыку; танцующих пока что не было.

– Танцы начнутся после ужина, – объяснил Мануэль и вскинул руку, приветствуя кого-то. – Сегодня тут будет шумно. Пришли даже те, с кем я сто лет не виделся. Вы извините, я к ним подойду ненадолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.